

18+

КОГДА ГОВОРИТ СТЕПЬ

НУРСУЛТАН ЕНИКЕЕВ

Нурсултан Еникеев

Когда говорит степь

«Издательские решения»

Еникеев Н.

Когда говорит степь / Н. Еникеев — «Издательские решения»,

«Когда говорит степь» — это сборник новелл о семье, памяти, родном языке, любви и сложном выборе между традициями и собственным голосом. Истории, наполненные атмосферой степи, человеческими судьбами, внутренними конфликтами и поиском того, что делает человека по-настоящему живым.

© Еникеев Н.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Причинённое добро	18
Бата5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Когда говорит степь

Нурсултан Еникеев

Иллюстратор Айсулу Мухамбетова

© Нурсултан Еникеев, 2026

© Айсулу Мухамбетова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-2985-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуйте.

Меня зовут Нурсултан, и это уже мой второй сборник.

Но если вы не читали первый — вы ничего не упустили. Правда. Каждая история сама выбирает момент, в который должна быть услышана. И, возможно, наше знакомство просто начинается именно с этой страницы.

Этот сборник писался иначе. Не в паузах между событиями, а в промежутках между поколениями. Не в одиночестве, а в постоянном ощущении какого-то присутствия — отцовского взгляда, материнского волнения и детского вопроса.

Иногда мне кажется, что я снова начинаю разговор. Только на этот раз он немного взрослее.

Многие герои этих историй — настоящие. Некоторых я знаю лично. С кем-то спорил, с кем-то соглашался, с кем-то просто молчал рядом. Да, здесь есть одна новелла, где я позволил себе шагнуть в сторону фантазии. Но даже там — правда, мои наблюдения и замечания. Потому что воображение всегда растёт из реальности.

Интересно, но, когда я начинал писать эту книгу, я был уверен, что пишу о любви.

О той, что начинается с неловкого взгляда.

С дрожащих рук и сбивчивых слов.

С неожиданного приглашения на танец и ещё более неожиданного согласия.

О той любви, от которой невозможно уснуть, которая заставляет ждать сообщения, перечитывать старые диалоги и придумывать новые.

О любви, которая заставляет сердце работать быстрее и делает мир громче.

О той любви, которая переворачивает жизнь и оставляет после себя свет или тишину.

Но со временем я понял: эта книга немного о другой любви.

О любви к родителям — даже если вы не всегда понимаете друг друга.

О любви к детям — даже если их выбор пугает.

О любви к родной земле, к языку, к истории, к традициям, которые иногда спорят с современностью, но продолжают жить внутри нас.

О любви к семье — сложной, несовершенной, но настоящей.

Иногда эта любовь не звучит словами. Она прячется в коротких фразах, в привычках, в строгости и в молчании. Мы не всегда умеем её распознавать вовремя, не всегда умеем отвечать на неё так, как нужно. Но именно она остаётся, когда всё остальное проходит.

Возможно, книга о той настоящей и трепетной любви ещё впереди. Возможно, ей нужно время. Иногда истории должны настояться. Иногда им нужно пройти испытание жизнью.

А пока — эта книга.

О том, что рядом.

О том, что говорит в нас, когда мы уезжаем далеко от дома.

Мне посчастливилось побывать в разных странах, увидеть чужую культуру, услышать разные голоса, познакомиться с людьми, у которых другой быт, другие корни, другая история за плечами. Но ещё большим счастьем оказалось пройти часть этих дорог рядом с родными и близкими мне людьми. Мы с друзьями не раз замечали, что после каждой поездки возвращаешься немного другим. И каждый раз особенно ясно понимаешь одну вещь: вдали от дома начинаешь замечать то, что не видел, пока находился в нём. Слова, сказанные между делом. Родительское молчание. Свои привычки. Свой язык. Свои традиции. И ту любовь к близкому и родному, которую в повседневности так легко принять как нечто само собой разумеющееся.

И, наверное, поэтому я всё чаще думаю о том, что мои детские мечты до сих пор лежат в дырявых карманах. Какие-то я растерял по дороге, какие-то продолжаю нести с собой, даже

не замечая этого. И, может быть, именно из них выросли все эти истории — о доме, о семье, о том, что остаётся с нами, даже когда мы меняемся.

Это очень близкие для меня темы. Те, которые я прокручиваю в голове снова и снова. Те, которые я вижу в глазах других — особенно среди чужих улиц и чужой речи. О них не так часто говорят вслух, но очень часто чувствуют внутри. И, наверное, именно поэтому о них хочется писать.

И, как всегда: если вы почувствуете в этих историях что-то своё — значит, я писал не зря.
Приятного чтения.

Пролог

Самолёт коснулся взлётной полосы мягко, почти осторожно — так, будто боялся потревожить землю, на которую возвращался. Колёса глухо прошуршали по бетону, корпус чуть качнулся, и за иллюминаторами медленно поплыли знакомые очертания аэродрома.

Малика почувствовала, как внутри что-то тихо дрогнуло — то ли радость, то ли тревога, то ли странное чувство, возникающее у людей, которые слишком долго жили вдали от дома и вдруг обнаруживают, что возвращение оказывается не таким простым, как когда-то казалось.

Аэропорт встретил её знакомым шумом: тележки, объявления, усталые лица, люди с цветами, дети, которые бежали навстречу родителям, и тот особенный запах дороги, который одинаков во всех странах мира — запах ожидания.

Девушка вышла наружу, остановилась у выхода и на секунду прикрыла глаза от яркого солнца. Дневной воздух был сухим и тёплым, наполненным асфальтом и пылью.

Она достала телефон и открыла приложение.

Во время трансфера, за несколько часов до прилёта, она уже забронировала машину. Водитель подтвердил заказ почти сразу. Зелёный седан. По крайней мере, так было указано в приложении.

Малика огляделась.

На парковке стояло несколько автомобилей, люди подходили к ним, загружали чемоданы, кто-то спорил о цене, а кто-то просто курил у открытых дверей.

Она прошла чуть дальше вдоль ряда машин, ещё раз посмотрела в телефон и снова подняла глаза.

Через несколько метров от неё стоял седан — тёмно-зелёный, немного пыльный, с открытым окном со стороны водителя.

Она снова посмотрела в приложение. Номер машины совпадал.

Малика подошла ближе.

За рулём сидел молодой парень. Он лениво прокручивал что-то в телефоне и даже не сразу заметил её.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

Он поднял голову и улыбнулся, будто слегка удивившись, что пассажир всё-таки нашёлся.

— Малика?

— Да.

Парень сразу убрал телефон и вышел из машины.

— Отлично. Я уже думал, вы не прилетите.

Малика оглянулась по сторонам, а затем посмотрела на заднее сиденье — оно было пустым.

— А... больше никто не едет? — спросила она.

Парень усмехнулся.

— Нет.

Он пожал плечами.

— В Семипалатинск сейчас не ездят на машине. Все летят самолётом или поездом.

Она кивнула.

— Просто неудобное время получилось. Следующий самолёт только завтра утром. А на поезд билетов уже нет.

— Такое бывает, — спокойно сказал он.

Пауза повисла на несколько секунд.

Малика смотрела на машину, словно взвешивая решение.

Заметив это, водитель добавил:

— Но, если вы передумали, можете отказаться. Я не обижусь.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— Конечно. Я, конечно, тут уже часа два вас жду, но ничего страшного, я пойму.

Он сказал это так спокойно, будто говорил о чём-то совершенно обычном.

Малика на секунду задумалась, снова посмотрела на машину, на почти пустую парковку и на длинную дорогу, уходящую от аэропорта.

— Ладно, — сказала она наконец. — Думаю, поедem.

Парень улыбнулся.

— Тогда добро пожаловать. Меня зовут Амир, кстати, очень приятно.

Он открыл багажник и аккуратно поставил туда её чемодан.

— Садитесь.

Малика села на заднее сиденье, закрыла дверь и впервые почувствовала лёгкую тревогу, которая всегда появляется, когда садишься в машину к незнакомому человеку и понимаешь, что впереди несколько часов дороги.

Парень сел за руль, завёл двигатель и, взглянув в зеркало заднего вида, сказал:

— Ну что ж... Едем в Семипалатинск? В Семей, если точнее, я просто по привычке...

Машина плавно выехала с парковки аэропорта и, миновав шлагбаум, вышла на широкую дорогу, ведущую к трассе. Дневной свет заливал салон через лобовое стекло, асфальт впереди блестел от жары.

Несколько минут они ехали молча.

Малика достала телефон, провела пальцем по экрану и аккуратно вставила наушники. Один, затем второй. Она уже собиралась включить музыку, когда заметила в зеркале заднего вида взгляд водителя. Он быстро отвёл глаза к дороге, будто просто проверял движение.

— Дорога нормально прошла? — всё-таки спросил он.

Малика чуть повернула голову и вынула один наушник.

— Да, нормально, спасибо.

— Издалека прилетели? Учёба, да?

Она на секунду замешкалась, будто решая, стоит ли продолжать разговор.

— Да. Из Италии.

— Ого... — тихо присвистнул он. — Тогда дорога со мной — это, наверное, резкое возвращение к реальности.

Она чуть улыбнулась краем губ.

— Можно сказать и так.

Амир снова на мгновение повернулся через плечо.

— Я просто спрашиваю, потому что люди после длинных перелётов обычно либо очень разговорчивые, либо, наоборот, молчат всю дорогу.

Она чуть улыбнулась.

— И кто чаще?

— Вторые, — сказал он. — Особенно если надевают наушники.

Малика посмотрела на свои наушники и тихо усмехнулась.

— Простите.

— Да ничего, — спокойно ответил он. — Я не против тишины. Дорога длинная, привык.

Он на секунду повернул голову, оценивая поток машин, и посмотрел в зеркало.

— Вы не волнуйтесь, — добавил он мягче. — Я тоже из Семипалатинска.

Она подняла глаза.

— Правда?

— Ага. Жил на Первомайской, учился в казахско-турецком лицее.

Он сказал это почти буднично, будто между делом.

Малика на секунду задумалась.

— Я тоже из Семей. Училась в тридцать первой школе!

Он усмехнулся.

— Да, я так и понял. Видите, уже что-то общее нашли. Ещё немного — и окажется, что мы родственники.

— Надеюсь, нет, — спокойно ответила девушка.

— Я тоже надеюсь, — засмеялся он. — А то дорога станет слишком семейной. И мы, как настоящие родственники, разругаемся до конца пути.

Она всё-таки улыбнулась.

Пауза снова растянулась.

Через несколько секунд она спросила:

— Вы правда учились в КТЛе?

Амир почесал затылок.

— Если честно... нет.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Тогда зачем сказали?

— Для знакомства, — невозмутимо ответил он. — Обычно люди сразу начинают вспоминать: «А вы случайно не знаете такого-то?» Очень удобный способ разговор завести.

— И часто работает?

— Честно? — он усмехнулся. — Ни разу.

Она невольно рассмеялась.

— Тогда где же вы учились?

— В маленьком городке рядом. В Аягузе! Потом уже переехал в Семипалатинск после школы. Но я правда думал перевестись в казахско-турецкий лицей, что в Семей, но не свезло.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Сломал ногу. Не на экзамене, конечно, — добавил он быстро. — Просто неудачно с лестницы упал.

Малика посмотрела на него внимательнее.

— И всё?

— И всё.

Амир снова усмехнулся.

— Но, в принципе, это не так важно.

— Почему?

— Потому что всё равно никто ничего не помнит.

Он слегка повернул руль, выводя машину на трассу.

— Люди думают, что в школе происходят какие-то важные вещи, — продолжил он. — А потом проходит лет десять... и никто даже не помнит, кто с кем сидел за одной партой.

Девушка задумалась.

— Иногда помнят.

— Иногда да, — согласился он. — Но чаще всего остаются только какие-то странные обрывки.

Он помолчал и добавил с лёгкой усмешкой:

— Например, что в тридцать первой школе всегда были самые вкусные пирожки в буфете.

— Вот это люди точно помнят, — сказала она с улыбкой.

— Конечно. История может стереться. Пирожки — никогда.

И парень с девушкой засмеялись.

Дорога впереди была длинной и почти пустой.

Машина мягко набрала скорость.

Амир, глядя куда-то вдаль, задумчиво произнёс:

— Впрочем, времени ещё много. Пока доедем — ещё много всего можно вспомнить.

Машина уже уверенно шла по трассе. Город постепенно остался позади, вокруг растянулась степь — широкая, спокойная и залитая дневным солнцем.

Несколько минут они ехали почти молча. Только редкий шум шин и слабое гудение двигателя заполняли салон.

Парень снова посмотрел в зеркало заднего вида.

— А вы давно не были дома? — спросил он.

Малика немного подумала.

— Четыре года живу за границей. Приезжала всего два раза, — она чуть пожала плечами.

— Это третий.

Амир удивлённо поднял брови.

— Вау. Это долго.

Она слегка кивнула, и Амир оживился.

— Тогда можно один странный вопрос?

— Попробуйте.

— Вы говорите по-казахски?

Малика удивилась.

— Конечно. А почему вы спрашиваете?

Он усмехнулся.

— Да просто вспомнил одну историю.

Девушка заинтересованно посмотрела на него.

— Какую?

Водитель чуть повёл плечом.

— Однажды я подвозил одного парня. Он родился и вырос в Казахстане, потом поехал учиться во Францию.

Он сделал паузу.

— И знаете что?

— Что?

— Он совсем не говорил по-казахски.

Малика слегка нахмурилась.

— Совсем?

— Совсем.

Он покачал головой.

— Представляете? Всю жизнь живёт в этой стране — и не говорит на казахском языке.

Она пожала плечами.

— Ну... такое бывает.

— Бывает, — согласился Амир. — Люди разные.

Он немного повернул руль, аккуратно обгоняя грузовик.

— Вообще в дороге много разных людей попадается.

Малика посмотрела на него внимательнее.

— И много разных историй?

Он тихо засмеялся.

— Очень много.

Пауза.

— Например, однажды я подвозил одного... — он задумался на секунду, — ну, скажем так, бизнесмена.

Девушка слегка усмехнулась.

— Скажем так?

— Он сам себя так называл.

Малика тихо рассмеялась.

— И что с ним было?

— История вообще странная получилась, — продолжил водитель. — Я там проездом был, очень далеко от своего города, и его вообще в степи подобрал. Машины у него не было, подарил, говорит, кому-то.

Он на секунду замолчал, будто вспоминая.

— Ехали мы, разговаривали. И он рассказал, что хотел стать акимом.

Малика подняла брови.

— Правда?

— Да. Всё у него почти получилось. Кампания, деньги, связи... всё.

Амир усмехнулся.

— А потом в интернете произошла какая-то история.

— Какая?

— Сам он толком не объяснил. Что-то там скандальное. Ну и народ у нас, знаете, какой.

Он слегка покачал головой.

— Дайте только повод.

Малика кивнула.

— Да... это бывает.

— В итоге всё развалилось, — продолжил он. — Ни выборов, ни должности.

Он немного пожал плечами.

— Вот такая история.

Она посмотрела в окно на степь.

— Интересно.

Потом снова посмотрела на водителя.

— Наверное, вы много таких историй слышали.

Он тихо усмехнулся.

— Очень много. В дороге люди иногда рассказывают вещи, которые дома никому не говорят.

Он несколько секунд смотрел на дорогу, будто решая, стоит ли продолжать. Потом слегка усмехнулся.

— А ещё была одна история... Тоже странная.

Малика чуть наклонилась вперёд, слушая.

— Парень один влюбился в девушку. По-настоящему. Долго встречались, всё серьёзно. Хотели пожениться.

Амир сделал паузу.

— Только родители невесты выкуп слишком большой попросили.

— Сколько? — спросила Малика.

— Много. Для обычного парня — очень много.

Он слегка пожал плечами.

— И знаете, что они придумали?

— Что?

— Девушка сама предложила. Сказала: давай меня украдём.

Малика удивлённо подняла брови.

— Сама?

— Ага.

Он усмехнулся.

— Говорит: родители же верят в эти традиции, обычаи... Раз украдут — всё, назад дороги нет.

Он на секунду посмотрел в зеркало.

— В общем, договорились.

Машина спокойно шла по трассе.

— Он её «украл». Всё как положено: друзья, машина, шум, праздник — вот это вот всё.

Амир замолк на несколько секунд и продолжил:

— А потом она написала на него заявление в полицию.

Малика резко подняла голову.

— Что?

— Представляете? — он тихо рассмеялся. — Тоже сначала не поверил.

Она нахмурилась.

— И что дальше?

Он немного повёл плечами.

— Насколько я знаю, дело вроде как замяли.

— Как?

— Ну... — он усмехнулся. — Сторона невесты попросила денег.

— В каком смысле?

— В прямом.

Он спокойно добавил:

— Чтобы они забрали заявление, парень должен был выплатить около пяти миллионов.

Малика покачала головой.

— Ничего себе.

— Да.

Он немного улыбнулся.

— Наверное, работает где-то сейчас. Деньги собирает.

— Правда?

— А куда деваться?

Он пожал плечами и тихо засмеялся.

— Никому же в тюрьму не хочется.

Малика покачала головой.

— Ужасная история.

— Да, — согласился он. — С традициями и обычаями иногда надо поосторожнее.

В салоне опять воцарилась тишина.

Степь медленно проплывала за окном.

Через несколько секунд водитель снова заговорил:

— Хотя, если честно, в дороге разные истории слышишь.

Он слегка постучал пальцами по рулю.

— Есть реальные, есть такие, что даже не знаешь — правда или нет.

— Фантастические? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Фантастические истории... ну, бывает и так.

Малика усмехнулась.

— Надеюсь, не страшные. Я очень не люблю страшные истории.

Он бросил взгляд в зеркало заднего вида.

— Они могут быть страшными... — сказал он с серьёзным видом, — но только если судить по тому, как я их рассказываю.

И вдруг сам же расхохотался. Смех получился заразительный, и Малика тоже невольно рассмеялась.

— Нет, правда, — продолжил он, успокаиваясь. — Люди разные истории рассказывают. Особенно взрослые. Они вообще много старых историй знают.

Он немного помолчал.
— Например... слышали когда-нибудь про клятву на чёрном молоке?
Малика удивлённо подняла брови.
— Ого. Нет. А что это за клятва?
Он покачал головой.
— Долгая история. Позже расскажу.
Он на секунду задумался.
— Я лучше вспомнил одну покороче. Притчу.
— Притчу?
— Да. Старую казахскую.
Он повернул руль, обгоняя очередной грузовик.
— Знаете вообще старые казахские сказки?
— Немного.
— Тогда слушайте. Может, и эту знаете.
Он слегка улыбнулся.
— Едет однажды старик по степи на лошади. Спокойно так едет, не спеша. Дорога длинная, солнце высоко. И вдруг его нагоняет молодой парень.
— Тоже на лошади?
— Конечно.
Он кивнул.
— Едут рядом, знакомятся. Разговор завязывается.
Малика слушала с интересом.
— И в какой-то момент молодой парень говорит старику: «Давайте, чтобы быстрее доехать, сделаем так — сначала я вас повезу, а потом вы меня».
Девушка усмехнулась.
— И что старик ответил?
— Удивился, конечно.
Амир слегка качнул головой.
— Говорит: «Странный ты. Как же я тебя повезу? И куда мы коней денем?»
Малика тихо рассмеялась.
— И так несколько раз, — продолжил водитель. — Едут они дальше и видят пшеничное поле. И молодой парень спрашивает старика: «Скажите, это поле уже съели или ещё нет?»
Малика нахмурилась.
— В смысле?
Водитель усмехнулся.
— Вот и старик так подумал.
Он слегка изменил голос, изображая старика:
— «Глупый ты, что ли... Конечно, не съели. Разве не видишь — всё на месте, колосья стоят, поле целое».
Амир кивнул и продолжил своим голосом:
— Потом едут дальше и видят похоронную процессию. Люди идут медленно, несут покойника. И молодой парень вдруг спрашивает: «А вы не знаете, это живого хоронят или мёртвого?»
Малика рассмеялась.
— Ну это уже совсем странно.
— Вот и старик разозлился.
Он слегка нахмурился, изображая его.
— «Конечно, мёртвого! Где ты видел, чтобы живых хоронили?»
Водитель картинно покачал головой.

— И всю дорогу старик думает: какой же глупый попутчик ему попался. Машина спокойно шла по дороге.

— В итоге к вечеру доезжают они до дома старика.

Он указал рукой куда-то вперёд, словно показывая далёкую точку на дороге.

— У старика там дом стоит, и дочка с ним живёт.

— И что?

— Ну, деваться некуда. Он приглашает путника переночевать.

Амир немного снизил скорость — впереди была неровная дорога.

— Сели вечером чай пить. И старик рассказывает дочке про этого молодого человека.

Он опять слегка изменил голос, изображая старика:

— «Ты с ним сильно не разговаривай. Станный он какой-то». И начинает объяснять. Говорит: «Представляешь, по дороге всё время предлагал: полпути я тебя повезу, полпути ты меня. Глупый какой-то. Куда бы мы коней дели?» И про пшеницу, и про похороны, и все глупые вопросы рассказал. А дочка слушает и потом говорит: «Он не глупый, папа, а очень даже мудрый, ты просто не понял».

Малика заинтересованно наклонилась вперёд.

— И дочка ему объясняет, что всё, о чём говорил парень, на самом деле означает совсем другое, — продолжил водитель. — Он имел в виду: давайте полпути я буду рассказывать истории, а полпути — вы будете рассказывать. Тогда и дорога покажется короче и легче. Когда он спросил: «Это поле уже съели или ещё нет?» — он имел в виду: «Если урожай уже продан за долги — значит, поле уже съели. Если нет — значит, поле ещё целое». А когда он спросил: «Живого хоронят или мёртвого?» — это тоже было не буквально. Если у человека остаются дети — значит, он живёт дальше через них. А если детей нет... значит, человек уходит по-настоящему.

Малика вдруг рассмеялась.

— Слушайте... это же очень красиво.

— Да, — кивнул водитель и улыбнулся. — Старик тоже это понял. И в итоге отдал за него свою дочь.

Девушка покачала головой, всё ещё улыбаясь.

— Какая интересная притча.

Машина спокойно шла по длинной степной трассе.

Через несколько секунд водитель добавил уже обычным голосом:

— Вот поэтому я иногда и разговариваю с пассажирами. Чтобы дорогу скоротать.

Он слегка пожал плечами.

— Но, если что, вы можете надеть наушники. Я не обижусь. Мне не впервой. Не хочу вам докучать.

Малика вынула наушники из ушей, аккуратно сложила их в кейс и убрала в сумку.

— Нет, — сказала она и посмотрела на него чуть внимательнее. — Продолжайте. Мне уже интересно слушать ваши истории.

Он немного усмехнулся, будто поймал себя на том, что слишком разговорился.

— Ой, ладно... — сказал он. — Историй в дороге вообще много.

Он на секунду задумался.

— Особенно если говорить про традиции. Например... про кражу невесты.

Малика слегка подняла брови.

— Я, кстати, слышал одну историю из наших семипалатинских краёв, — продолжил он.

— Про то, как один отец хотел выдать свою дочь замуж... вместо долга.

Она резко повернула голову.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Это было давно?

Амир покачал головой.

— Ну... не так, чтобы давно. Но и не вчера.

Он усмехнулся.

— Точно не во времена кочевников. Уже почти наше время.

Малика нахмурилась.

— И что... это до сих пор так работает?

Он пожал плечами.

— Где-то, наверное, да. Кто-то до сих пор живёт по старым правилам.

Она покачала головой.

— Кошмар.

— Бывает и такое, — спокойно ответил водитель.

Через секунду он добавил:

— Хотя есть и другие истории.

— Какие?

— Например, я слышал одну про усыновлённых детей.

Она удивилась.

— В каком смысле?

— Ну, в одной школе учился класс. И там оказалось несколько детей, которых усыновили.

Он плавно поворачивал руль, выводя машину на длинный участок трассы.

— Поначалу они постоянно ругались между собой.

— Почему?

— Ну... дети же.

Амир усмехнулся.

— Каждый думал, что его история особенная. А потом, наоборот, стали самым дружным классом.

Малика вскинула брови.

— Серьёзно?

— Да.

Несколько секунд она молчала, потом вдруг сказала:

— А расскажите какую-нибудь историю полностью.

Он удивлённо посмотрел в зеркало.

— Полностью?

— Ну да.

Она слегка улыбнулась.

— Вы же сами сказали — дорога дальняя. Может, успеете рассказать.

Он на секунду задумался.

— Вам правда интересно?

— Да.

Амир тоже улыбнулся краем губ.

— Ну тогда слушайте.

Он немного прибавил скорость. Машина мягко набрала ход, двигатель ровно загудел.

Трасса вытянулась впереди длинной лентой, уходящей в степь.

— Эта история началась в одном небольшом городе недалеко отсюда...

Причинённое добро

Весна в этих краях всегда приходила неслышно, будто осторожничала: днём дрожал тёплый воздух, где-то между кочками дышала первая трава, а от прогретых на солнце табличек «Опасно» пахло ржавчиной. То тут, то там эти таблички одиноко стояли около заброшенных вышек, в эпицентре сладковато-кислой гнильцы талых земель, огороженных колючей проволокой. А ночью всё это вдруг снова каменело, отступало, покрывалось хрупкой коркой холода, и вся степь делалась пустынной, как будто природа о ней забывала.

В такую ночь Талгат возвращался один. Он был высокий, угловатый, седой, с вечно припухшими веками и усталым прищуром человека, который когда-то командовал в этих краях и привык, что дорога сама стелется перед ним. Его дыхание, тяжёлое, как ржавая помпа, срывалось редким кашлем, рука чуть подрагивала на поводе, будто в пальцах ещё жила память кабинетов, в которых раньше здесь кипела жизнь. Он ехал неторопливо, шагом: конь взбивал влажную корку, и от копыт взлетали тёмные брызги, пахнувшие уходящей зимой.

Он знал эти тропы — ровные, как линии на карте, проложенные ещё в те годы, когда здесь мотались «уазики» и грузные ЗиЛы, подвозили людей к наблюдательным точкам, к бетонным колодцам, к тем странным местам, где земля всегда гудела, как будто под ней дремал прибитый ко дну колокол. Теперь здесь было пусто. Мачты, вздёрнутые над холмами, — как гигантские ржавые гвозди, нянчили на себе обрывки проводов, и где-то там, в темноте, дрожали от ветра их тонкие, уже ненужные струны.

Талгат втянул в себя прохладу, ощутил во рту вкус металла и поразился, что весной ночи всё ещё такие резкие. На нём была старая, но плотная шинель, но холод всё равно пробирался под ворот. Он дожал коня пяткой, потянулся, чтобы размять плечо, — и в этот момент увидел их.

Волки возникли внезапно, как возникает в воспоминании забытая мысль: сначала крошечное движение по периферии, затем две тусклые бусины, ещё две и, наконец, фигурный разрез тьмы, словно кто-то наспех ножом вырезал из неё мягкие силуэты. Они шли низко, на мягких лапах, хищно уверенные, как уверены только те, кто чувствует себя дома. Бледная луна на миг задела их рёбра серебром, и Талгат, как ему показалось, разглядел жоака в деталях: широкий череп, старый шрам у глаза, тёмная полоса на хребте. Мужчина опешил и застрял между состояниями, когда хотел отвернуться и не замечать хищную стаю, но, словно загипнотизированный, не мог отвести от них взгляда.

Конь косился и фыркал. Талгат попробовал удержать шаг, повести ровнее и не поддаться той древней панике, которую человек всегда носит в крови при встрече с тем, кого однажды сам начал вытеснять. Волки, словно читая его намерение, вытянулись дугой, и чернота, расширившись с обеих сторон, начала смыкаться.

— Тише, — сказал Талгат сам себе, коню и, наверное, ветру.

Слова вышли глухо. Рука дрогнула сильнее. Он поймал себя на том, что в этой дрожи есть не только холод, но и всё невысказанное ранее: бесконечные совещания, подписи под бумагами, выцветшие фотографии у входов, номера на пропусках и бегающие флажки на планах, на которых семипалатинская степь была лишь белым пятном.

Первый бросок пришёлся слева, как удар из темноты. Конь взвился, загарцевал, будто его жгут калёным железом, и в тот же миг на штанине Талгата что-то рвануло, проглотило плотную ткань и расплылось горячей болью. Он сорвался с седла, ударился виском о лук, но ухватился за ремни и удержался. Тут же он увидел, как справа два серых тела, длинные и низкие, одновременно срываются с места. Мужчина рванул из кобуры старенький «макаров», тот самый, что когда-то выдавали под опись, с хрустом взвёл затвор и сделал выстрел. Одна тень припала,

не добежав, и тут же отскочила, оставив на грязном насте тёмное кровавое пятно. Другие волки лишь твякнули и зарычали, как будто на миг удивились.

Он стрелял ещё и ещё, вслепую, по блеску глаз, по шевелениям, и всякий раз, когда пламя выстрела поджигало воздух, волки, словно моргая, прыгали назад, но не теряли ритма и снова сокращали круг. Конь уже бил копытом, припадал и резал полуокружность. Талгат, чувствуя, как первая кровь пропитывает одежду, вдруг отчётливо и холодно понял: если он сорвётся с седла, его разорвут за пару минут. Мелькнула мысль — глупая и резкая: «Так тебе и надо». Тут же он возненавидел саму эту мысль, как личное предательство, и, не успев высказать обвинение самому себе, снова выстрелил.

Вожак шёл прямо, не торопясь, как будто проверяя границы человеческой решимости. Талгат ощутил, что сейчас будет второй бросок, тяжёлый, и что он не успеет перезарядить пистолет... И тут же услышал выстрел. Даже не выстрел, а кашель железа: басовитый треск старой двустволки. Раз — и ещё раз. Воздух отозвался пустотелым хлопком, и в эту пустоту рухнул чей-то вой, короткий и злой. Следом во тьму врезалась казахская ругань — резкая и сухая, — но не та, которую запрещает приличие, а какая-то степная и даже хозяйская.

Фигура вынырнула из темноты и оказалась заметно большей: шерстяной чекмень, куртка, перепоясанная ремнём, лямка через плечо и ружьё, в которое, казалось, вложили весь запас деревенского терпения. Мужчина тоже был на коне и подступал широко, но осторожно, одним взглядом собирая картину: где конь, где раненый, где вожак, как дышит стая. Волки потянулись, не отступая, а распластываясь дальше, надеясь на промах и на шум. Двустволка шевельнулась в уверенной руке, резко, как ящерица в травах, — и снова кашлянула. Ещё один из волков упал и невольно подтянул лапу. Вожак, будто стараясь сохранить лицо перед своими, сделал шаг, и мужчина, не меняя выражения лица, вскинул ружьё в третий раз и выпалил в крупного предводителя хищной стаи. Этого оказалось достаточно, чтобы остальные тихо выдохнули и попятились, растворяясь, но не уходя далеко. Они зависли на той дистанции, где у зверя ещё теплится надежда на панику и ошибку жертвы.

— Живой? Держись, друг, — сказал мужчина, поравнявшись с конём, и голос у него был глубокий, спокойный, из тех, которые понятны и зверю, и человеку. — Осторожнее с ногой. Слезешь — они соберутся.

— Живой, но, кажется, поздно уже, всё в крови, — выдохнул Талгат и всё-таки подтянул колено к седлу, дорожа каждой пальцевой фалангой, которой удерживал равновесие. Ладонь у него прилипла к мокрой ткани — кровь уже успела стать жирной и тёмной. Ему стало немного смешно от ясности: в прошлой военной жизни это была бы просто запись в бумажках, протокол, галочка, а здесь — целая жизнь, которую он чуть не потерял, сжав зубы.

— Айдар, — представился мужчина, ступая ближе и подставляя плечо.

Он был ровесником, но на его лице было меньше прожитого, как будто оно было не зеркалом, а инструментом: шрамы в нужных местах, морщины там, где их вырезало солнце.

— Скот гоню. Кони отбились. Унюхали ведь, — кивнул он в сторону темноты. — Весна голодная.

Талгат кивнул. Дал себя перехватить, левой рукой ухватился за переднюю луку, правой — за ремень Айдара. Он устроился в седле поудобнее и, поставив обе ноги в стремя, почувствовал себя увереннее.

— Вода есть? — прохрипел он.

— Есть. Но не сейчас, — Айдар, придерживая за спину, оттолкнул его плечом и развернул своего коня. — Волки недалеко ушли, давай сначала оторвёмся.

Они начали отходить плотной связкой, как двое, которые несут между собой невидимую, но тяжёлую ношу. Кони, будто понимая план, ступали рядом, ложась копытом в копыто, и только раз взвились, когда из темноты выбежал ещё один волк. Айдар в этот раз не стрелял,

но поднял ружьё так, что луна легла на ствол, и зверь, не выдержав этой беззвучной угрозы, отступил.

Так, сдвигаясь короткими, расчётливыми шагами, они добрались до невысокого кургана, где трава была толще, снег не успевал растаять в холодные дни, а из-за старого бетонного колодца — того самого, что остался в степи от людей с иными задачами, — ломился ветер. Там, вдалеке, тьма стала плотнее и теплее, волки не любили бетон — то ли за его запах, то ли за его неподвижность.

Айдар поставил Талгата на корточки, ловко, почти без стука, опустил его к стенке, снял с плеча фляжку и отвинтил пробку. Талгат приложился, губы замёрзли о металл, но вода отозвалась внутренним теплом.

— Посиди так, — скомандовал Айдар и, не отводя глаз от темноты, стал перезаряжать ружьё. Пальцы его двигались без звука: в этих пальцах была привычка к ремеслу, где мелочь решает все детали.

— Кто ты? — спросил Талгат, уже понимая, что этот вопрос не про имя. — Из какого аула?

— Отсюда, — коротко бросил тот. — Вырос здесь. Даст Бог, здесь и умру. А ты?

Талгат замолчал. Он всегда отвечал охотно — должности, звания и далее по списку, — но тут слова почему-то упали за горло и не пролезли. Он кашлянул.

— Талгат, — сказал он вместо длинной биографии. — Я... работал когда-то здесь. Ну, знаешь...

— Знаю, — ровно отозвался Айдар. — Все знают.

И не добавил ни злобы, ни почтения. Просто выпалил это как факт.

Талгат поймал себя на том, что ждёт — чего? — плевка, упрёка, вопроса «зачем?», — и испытал странное облегчение от того, что его не последовало. Только волки, как тени, шевелились вдалеке, отступили и снова сделали два шага. Суровая природа учила их терпению.

— Спасибо, — сказал Талгат. Он вдруг ясно понял, что говорить больше нечего, и будто сэкономил этим силы.

— Не за что, — Айдар пожал плечами. — Не бросают в степи. Даже волки так не делают. — Он улыбнулся краем рта: — Ты бы тоже помог.

— Помог, — кивнул Талгат и убрал пистолет в кобуру, как будто признавая поражение в каком-то своём споре с прошлым.

Они сидели ещё немного, слушая, как устает ночь. Где-то совсем рядом шуршала мышь, в небе коротко треснуло: то ли лёд в верхних слоях, то ли нервный хруст тишины. Волки, потеряв интерес, переместились к падали, которую чуяли там, в ложбинке, — весенняя степь не выбрасывала еду. Кони опустили головы к земле и начали тихо и упрямо щипать молодой, почти невидимый глазом зелёный волосок.

— Пойдём, — сказал Айдар. — Дойдём до моей временки, перевяжем, согреешься. И коней там же привяжем.

Они снова двинулись, уже свободнее, и скоро из темноты выросла человеческая жизнь: низкая и обжитая деревянная юрта-временка; рядом стояла сломанная скамья, корыто, верёвка для сушёного мяса, сложенные аккуратно, будто завтра праздник, а сегодня просто ночь. Тут же стояли два коня, которых, видимо, и нашёл ранее Айдар. От юрты пахло молоком, старыми коврами и тем сладким дымом, который укрепляет любую крышу. Айдар распахнул полог и кивнул: «Заходи». Внутри было тепло. Сразу же скупно брызнул свет — керосиновая лампа в металлическом ободке, старая, но надёжная. На столике стояли эмалированный чайник с отбитым носиком, пиала, аккуратно перевернутая вверх дном, и нож с деревянной ручкой.

Айдар быстро развёл огонь, посыпал чай из кармана, чёрный, крепкий, такой, что язык становится твёрже. Принёс чистую тряпицу, дёрнул ножом ткань штанов, сдержанно и даже бесцеремонно. Рана оказалась кусаной, рваной, кровь шла лениво, уже засыхающим ручьём.

— Повезло, — сказал он, — не глубоко вроде. И обморожения нет, — и, взглянув на Талгата, добавил: — Весной всякое бывает. Придётся потерпеть.

И, не дожидаясь ответа, Айдар прополоскал рану кипятком, щедро посолил и перевязал полосой чистой ткани.

— Терплю, — кивнул Талгат и вдруг осознал, что это «терплю» — не про рану, а про всё. Про безмолвную жизнь, которая сама собой обернулась ожиданием оправданий.

Он обхватил пиалу пальцами, прогрел их, и дрожь чуть ушла.

— Сколько коней отбилось?

— Три, — ответил Айдар. — Двух нашёл, третья — сама придёт.

Он сел напротив, опёрся локтями о колени, глядел спокойно и прямо.

— Тут не любят, когда хозяйство раздувают до трагедии. Степь вообще не любит трагедий. Она любит, когда делают, а не разговаривают.

Талгат кивнул. Он вдруг почувствовал, что уходит — не в сон, а в тот странный полудрём, где человек ещё слышит себя. И тут же резко вернулся из этого полудрёма, как будто кто-то щёлкнул выключателем. Он посмотрел в глаза Айдару и сказал:

— Сколько тебе заплатить?

Айдар моргнул, удивление на миг укололо его брови.

— За что?

— За жизнь, — ответил Талгат слишком быстро. — Деньги, скот... Скажи, я всё привезу.

Он говорил, как всегда говорил при договоре: быстро, чётко, и вдруг услышал, как в этом голосе отозвалось механическое лязганье прежних лет.

Айдар покачал головой, даже не улыбнувшись.

— Не надо, — сказал он. — Я не торгуюсь за человеческую жизнь.

— Коней, — упорствовал Талгат, — лучших. Или золото. Или...

Он запнулся, впервые в жизни почувствовав, что список, который обычно спасал, сегодня только позорит.

— Ты же... — вымолвил он и оборвал себя на полуслове.

— Друг мой, — мягко сказал Айдар, — ты сейчас говоришь чужими словами. Оставь их там, где они нужны. Тут... — он развёл руками, — тут и так хватает ветра.

Талгат посмотрел на его ладони — сухие, рабочие, — и вдруг отчётливо понял, что хочет не заплатить, а отдать. Отблагодарить. Так, чтобы это было равно цене человеческой жизни. Он поднял глаза. Голос его, отдохнувший чаем, стал ниже:

— У тебя дети есть? Есть сын?

Айдар чуть дёрнул подбородком и медленно кивнул.

— Есть.

Тогда Талгат выпрямился — насколько позволяла перевязанная нога, насколько позволяла усталость старых решений, — и, глядя на Айдара так, как глядят, произнося слова, которые нельзя будет взять назад, сказал торжественно и ясно, как на обряде:

— Отдам дочь за твоего сына.

Слова повисли между ними, как верёвка, на которой можно или поднять тяжесть, или повеситься. За пологом повёл ветер, как будто степь чуть двинулась всем телом. Айдар долго молчал. Тишина у него была человеческая, горькая, не оскорблённая величием. Он отвёл взгляд на лампу, на пар из чайника, на тёмный силуэт двери и только потом вновь поднял глаза.

— Ты хочешь заплатить так? — спросил он негромко.

— Я хочу вернуть долг, — ответил Талгат. — Чтобы он был честным.

И почувствовал: впервые за много лет говорит словом, в котором нет начальника, нет должности и нет прежних сносок. Только мужчина и его слово.

— Дочь знает? Сколько ей лет? — спросил Айдар просто.

— Узнает, — сказал Талгат и ощутил, как эти несколько слов, нищие и короткие, проваливаются в него, оставляя после себя воронки. — Ей восемнадцать. Зовут Дана.

— Моему Арману двадцать один, — произнёс Айдар, даже не смотря на Талгата.

Они ещё долго молчали, слушая, как ночь идёт к утру, как по стенкам чайника скатываются редкие капли, как конь снаружи переставляет ногу, будто запоминает новый ритм. За пологом скользнули шаги — вернулась третья кобыла, и тихое, довольное фырканье разрезало воздух.

— Утром, — сказал наконец Айдар, — мы поговорим иначе. Ночью большие слова звучат громче, чем надо. — И почти заботливо добавил: — Пей. Чай стынет.

Талгат кивнул. Он понял, что не отступит. Понял одновременно: впервые за много лет произнёс то, что будет жить отдельно от него, как живут свободные вещи — без опеки, без инструкций и вывесок. И от этого открытия сделалось и легче, и страшнее. Он поднял пиалу, вдохнул горячий пар — и почувствовал вкус не чая: вкус природы, земли, весны — и где-то в глубине — вкус того слова, которое уже не отменишь.

Дорога обратно заняла не столько часов, сколько собственных лет: Талгат ехал, чувствуя, как под копытами спокойно стынет весенняя корка, как выравнивается дыхание и как параллельно в нём самом латаются какие-то давно потрескавшиеся швы. Он несколько раз повторил про себя сказанные ночью слова — «Отдам дочь за твоего сына» — и всякий раз слышал в них не брачное обещание, а ровный стук молота, которым прибивают к столбу табличку: «Опасно». Табличку он видел тысячи раз — на мачтах, у бетонных стен, над глухими колодцами, в которых не было воды, зато осталась страшная память. Теперь эта табличка стояла у него в горле.

Накануне Талгат не собирался никуда уходить, тем более в ночь. Он лёг рано, но проснулся внезапно — от того самого «гула», который многие годы слышал на полигоне. Нечто среднее между дрожью земли и отдалённым вздохом металла. Люди этого не замечают, но он, отслуживший рядом со взрывами, слышал такие звуки нутром — как собака чувствует приближение бури.

Он поднялся, вышел во двор и замер. Гул усилился. Ему показалось, что это где-то у старых мачт, там, где ещё стоят провалившиеся бетонные колодцы — пережитки тех времён, что он ненавидел и в то же время боялся забыть.

«Если дети туда полезут, то может рухнуть...» — подумал он. И пошёл. Хотел просто дойти, проверить, подтянуть пару болтов на мачте, осмотреть тросы. Такой «дозор» он ставил себе последние месяцы. Никому не говорил — стыдно. Но ведь кто, если не он?

Он быстро шёл верхом на коне, а потом потерял счёт времени. И вот так, среди треска сухой травы и стука собственного сердца, наткнулся на волков.

Сейчас же очень скоро светлело. Как всегда весной: чуть-чуть посветлеет на востоке — и уже кажется, что можно садиться за стол, ставить чайник на печку, снимать с полки пиалу, разравнивать краем ладони скатерть. Село просыпалось неслышно: на улице из трёх домов тянуло дымком, кто-то закашлял в своём дворе, застонали петли у чьей-то двери. Собака, как положено, сначала обругала коня чужой хрипотцой, а потом узнала и, перед тем как замолчать, повела носом, будто перечитывала вчерашнюю новость.

Во дворе Талгата ждала привычная геометрия: разваленный стол у стены; корыто, в котором зимой стоял лёд, а летом — кумыс; старый велосипед дочери, с двумя спущенными колёсами, прислонённый к дровам, словно он сам удерживал забор от падения, и связка сушёных трав под навесом. В окне виднелась занавеска с густыми цветами, расшитая рукой супруги. А за ней — вся жизнь, в которой чай всегда горячий.

Он задержался у порога дольше обычного. Как человек, который собирает по крупичкам дыхание, прежде чем переступить границу своей тревоги. Ноги дрожали не от раны, а от того, что он впервые за долгие годы ощутил страх кожей. Сердце предательски застучало — не то от волнения, не то от стыда, что взрослый мужчина, бывший начальник, человек, ходивший рядом со всеми взрывами на полигоне, едва не погиб от зверя, от простой степной ночи. Он знал: супруга почувствует это мгновенно.

Жена встретила его не вопросом, а движением: она подхватила его шапку одной рукой, другой — дотронулась до плеча, проверяя, цело ли оно. Её звали Сауле, и в этом имени было столько солнца, сколько выдерживает женщина, живущая возле человека, в котором давно застыл туман. Она почувствовала всё так, как умеют чувствовать только жёны: кровь, порох, волка и тяжёлую ночь. Различила ещё что-то, глаза дёрнулись, но слов не было — значит, сам всё расскажет.

— Чай горячий, — сказала она и ушла на кухню, оставив дверь в комнату приоткрытой.

Талгат снял шинель медленно и осторожно — нога отзывалась острым и пульсирующим огнём. Перевязка Айдара была суха и туго держала рану. Он снял сапоги у входа, как будто это был порог чужого дома. Обувь встала рядом с дочерними кроссовками с длинными шнурками, которые она почему-то никогда не обрезала.

— Папа? — голос пришёл из глубины дома, из той комнаты, где над столом висели две рамки: его, с каким-то московским сертификатом, и её, с медалью за школьную олимпиаду. Обе запылившиеся одинаково. — Ты рано.

— Рано, — повторил он, как повторяют полузабытое имя, и вошёл.

Дане было восемнадцать лет, тёмные волосы на косой пробор, высокий лоб и эти глаза, всегда чуть настороженные, будто она ждёт, что в предложении появится «но». Она сидела за столом, окружённая тетрадями, и держала в руках ручку. Она училась в местной школе, мечтала об институте в Семипалатинске и больших улицах, где можно и ночью идти не оглядываясь. А ещё — о журфаке и о словах, которые будут делать мир чище.

— Что с тобой? — спросила она, не поднимаясь, но уже видя, как он держит ногу чуть в сторону, как сжато отцовское плечо и как улыбаются губы, когда не улыбаются глаза.

— Волки, — ответил он просто. — Весна же.

Она вздрогнула, но не от страха, а от вида кровавой перевязки на ноге.

Сауле в это время принесла чайник к столу и начала разливать чай. Заметив кровь, она на секунду замерла.

— Может, позже чай? — спросила она, не сводя глаз с раны. — Сначала помоешься и переоденешься?

— Нет, — кряхтя, ответил Талгат. — Наливай, наливай.

Отец аккуратно устроился за столом и посмотрел в сторону окна.

— Живы, — сказал он, как будто кто-то спросил. — И я, и конь.

— А ещё? — не выдержала Дана. — Ты стрелял?

— Стрелял, — кивнул он. — А в меня не стреляли.

Он сказал это так, будто нарочито пытался увести всё в весёлую сторону.

Они молча выпили первый круг чашек чая, затем второй. Талгат сидел задумчиво и вертел пиалу в ладонях. Наконец поставил.

— Меня спас один человек, — произнёс он, не глядя ни на кого. — Айдар. Скот гонял. Три выстрела — и всё.

Сауле кивнула. Она знала этот скот, эти выстрелы, этих Айдаров — количество не имело значения. Важно было слово «спас».

— Скажи ему спасибо, — сказала она тихо, и в этом «скажи» было и «отблаговари», и «не забывай». — Мы испечём хлеб, отнесёшь. А ещё лучше — зарежь барана.

— Не надо барана, — отозвался он быстро, как будто кто-то предлагал ему откупиться.
— И хлеба не надо. Я...

Он осёкся, потому что понял: сейчас начнётся главное. И от того, как он произнесёт эти слова, будет зависеть не только эта кухня, но и тот воздух, которым они будут дышать дальше.

— Я должен. — Он посмотрел на жену, на дочь, и впервые за долгое время в его взгляде не было приказа. — Я сказал ему: «У тебя есть сын? Отдам за него свою дочь».

Комната не взорвалась, а буквально скомкалась. Воздух пытался пролезть между мисками на полке, между фотографиями в рамках, между узорами на дорожке, по которой Сауле ходит на цыпочках. Чайник зашипел сильно, будто кто-то сжал его горло. Дана поднялась слишком резко, и стул скрипнул, как больной зуб. Она посмотрела на отца долго, словно пыталась дописать за него последнюю фразу и никак не могла подобрать слово.

— Ты... так сказал? — спросила она ровно.

— Так, — ответил он. И не отвёл взгляда.

— Не спросив меня? — всё так же ровно продолжила дочь, но в этой ровности дрожали стены.

— Где бы я успел, — честно произнёс он, — у меня не было времени думать про правильный порядок вещей. Я... был жив и хотел остаться живым. А потом понял, что должен, и сказал, как умею: просто.

Он не успел договорить.

— Просто?! — сорвалось у Даны так, будто кто-то ударил по струне внутри неё. — Для тебя это просто?!

Комната вздрогнула. На стене качнулась рамка, а где-то в углу упала ложка.

— Кто я для тебя? — Дана шагнула назад, глаза блестели от слёз, но они ещё не падали.
— Я что — долг? Я — расплата? Я — твой казённый документ, которым ты расписываешься за свою жизнь?!

Сауле вскрикнула и тут же прикрыла рот руками. Слёзы выступили мгновенно, как роса на холодной траве. Она подошла ближе и попыталась поймать руку дочери, но дрожащая девушка отшатнулась.

— Дана, послушай... — начала Сауле, но голос сорвался.

— Нет! — выкрикнула дочь так резко, что даже дверь в кухню качнулась. — Ты сказал «отдам», как будто у тебя корова, как будто у тебя мешок картошки! Ты решил мной! МОЕЙ жизнью! Мною, папа! — Она ударила ладонью в грудь. — МНОЙ!

Мама уже плакала в полный голос. Не тихо, не сдержанно, а так, как плачут женщины, у которых ломаются сразу два сердца — своё и дочери. Она пыталась приблизиться, но Дана металась, как птица, у которой горит воздух под крыльями.

— Дочка... — только и могла выдохнуть Сауле.

— Ты решил за меня, — повторяла Дана, но теперь тише. Глубже. Острее. — За мою жизнь. За мою любовь. За моё будущее...

Она схватилась за спинку стула так, будто тот был единственным, что ещё держало её от падения. Слёзы рванулись наружу и размазали всю её решимость.

— Папа... — выдохнула она уже не обвинением, а болью. — Как ты мог?..

Талгат стоял, как человек, которого ударили в грудь и который ещё не понял, чем именно. Его глаза покраснели, а к горлу подступил ком.

Сауле подошла к дочке, дрожащими руками обняла за плечи и прижала к себе.

— Хватит, подожди, доча, — шептала она сквозь слёзы. — Талгат... Скажи всё как есть...
До конца.

Он кивнул.

— Айдар — простой человек. Рабочий. На меня вышли волки, быстро нагнали. Я чуть не упал с коня, да и растерзали бы меня там же вместе с конём. Айдар меня спас, пристрелил

несколько волков, увёл подальше, позвал в свою времянку, перевязал, дал чай. Я предложил деньги. Он сказал: «Не надо». Я предложил коней. Он сказал: «Не нужно». Я предложил... — Талгат запнулся, потому что только сейчас все слова, включая «золото» и «подарки», звучали неуместно. — Всё, что у меня есть. Он отказался. И я понял, что за жизнь, которую тебе вытягивают из пасти волка, платят самым ценным. И сказал, как сказал.

— Самым ценным, — уточнила Дана, не повышая голоса. — Спасибо, но ты решил без меня.

Талгат попытался вдохнуть — глубоко, как перед прыжком, — но воздух не шёл. Он протёр лоб рукой, будто хотел стереть с себя всю ночь, весь страх, весь долг и всё, что сейчас висело над ним, как низкий потолок.

— Дана, послушай... — его голос был хриплым и сорванным. — Я не думал... я же говорю, у меня не было времени думать. Я... Я был должен. Он спас мне жизнь. Я... я обязан был сказать что-то.

— ОБЯЗАН? — Дана резко подняла голову, и слёзы брызнули из её глаз. — Ты ОБЯЗАН?! О чём ты, папа?!

Она шагнула к нему, и в её шаге было столько гнева, что пол под ней закрипел, как сухая ветка.

— Если ты обязан, — выкрикнула она, — отдай себя! Свою работу! Свою честь! Своё стадо! Своё сердце! Отдай свою жизнь обратно, раз она тебе так нужна! ЗАЧЕМ МЕНЯ, ПАПА?! МЕНЯ?!

Мама вновь бросилась к ней:

— Дана, успокойся, балам¹...

Но Дана резко отпрянула, и слёзы, падая, блестели, как острые осколки.

— НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ! — закричала она, и голос сорвался на хрип, как рвущаяся ткань. — Никто... никто меня не спросил! Не подумал обо мне! Никто!

Талгат сделал шаг вперёд, опираясь на стол, будто тот был последним мостом между ним и дочерью.

— Я делал это без плохих мыслей, — сказал он. — Я думал о тебе. Я думал — это... это...

— Не ври! — её крик перерезал его слова. — НЕ СМЕЙ!

У него дрогнули пальцы. Он хотел протянуть к ней руку, но так и не смог.

— Я... — начал он снова, уже слабее. — Я... думал, это правильно.

— Правильно?! — Дана засмеялась — зло, сухо, как человек, который больше не может плакать. — ПРАВИЛЬНО?! Правильно — решать мою судьбу, пока я сплю?! Пока я даже НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ТАМ ДЕЛАЕШЬ, ПАПА?!

Комната стала узкой и душной, как шахта. Мать закрыла лицо руками, пытаясь не рыдаться снова, но слёзы всё равно текли.

— Он спас мне жизнь, — почти прошептал Талгат, будто оправдание могло звенеть тихо.

— А МНЕ КТО СПАСЁТ МОЮ?! — выкрикнула Дана. Голос её сорвался полностью.

Сауле снова вскрикнула, подскочила и схватила дочь в объятия, но Дана, сопротивляясь, билась, как загнанная лошадь.

— Спокойно, доча, — шептала мама, — тихо, тихо...

— Нет! — Дана вырывалась. — Я — не товар! Я — не плата! Я — не «долг»! Я — человек! Мне восемнадцать лет, папа! Восемнадцать!

Она расплакалась так, что даже стены будто бы вздрогнули.

Талгат стоял белый, как мел. Он открывал рот снова и снова, но слова рассыпались у него на языке. В конце концов он выдохнул:

¹ балам — «дитя моё», ласковое обращение

— Дана... если бы ты видела, как он меня спасал... если бы ты слышала волков... если бы ты знала...

— ЗНАЛА ЧТО?! — она ударила ладонью по груди так сильно, что звук отдался в пол.
— Что я — живу просто как чей-то подарок?!

Сауле заплакала ещё громче, обняв дочь так, будто хотела удержать её целой, пока мир вокруг рушится.

Дана смотрела на отца сквозь слёзы — не просто злая. Она чувствовала себя преданной. Убитой его выбором. И сказала тихо, страшно тихо:

— Ты не имел на это права.

Сауле выдохнула резко, перехватив дочь, будто пыталась поймать сказанные ею слова. Но затем она развернулась к мужу — и в её глазах появилась та редкая, страшная сталь, которую женщины достают только в один момент жизни: когда надо защищать ребёнка даже от того, кого любишь.

— А что ты хотел?! — выкрикнула она. Голос её сорвался на середине, но сила осталась.
— Что ты хотел, Талгат?! Чтобы она вот так, спокойно, как ты сказал, «просто», — приняла это? Чтобы сказала тебе спасибо?! Чтобы улыбнулась и побежала собирать приданое?!

Талгат поднял растерянный взгляд.

— Сауле...

— Не надо «Сауле»! — она ткнула пальцем ему в грудь. — Что ты себе позволяешь?! Ты что, в прошлом веке живёшь?! Кто-то спас тебя — и ты сразу дочь отдал?! Что это вообще?!

Дана всхлипнула и сжалась в руках матери. Талгат открыл рот и снова закрыл.

— Ты когда вообще последний раз смотрел вокруг?! — женщина заметалась по комнате, как волны на берегу. — Мир другой! Люди другие! Дети — другие! Они сами выбирают, Талгат! Сами! А ты взял и решил за неё, как будто она у тебя вещь, лежит в сундуке, аккуратно сложенная!

Дана всхлипнула. Талгат побледнел ещё больше.

Сауле вытерла слёзы тыльной стороной руки. Потом шагнула к мужу — так близко, что он почувствовал её дыхание, горячее, обожжённое страхом за дочь.

— Я... — начал он.

Она царапнула воздух рукой:

— Да, ты... ты воспитал её... ты никогда не унижал её! Никогда! И вдруг — прямо вот так?!

Отец снова попытался вставить слово, но Дана резко вскинула голову:

— Мама права... — тихо, но уверенно. — Ты поступил так, будто у меня нет будущего. Нет выбора. Нет голоса.

Сауле схватила дочь за плечи, прижала к груди, но продолжала смотреть на мужа — взглядом, который прожигает металл.

Талгат опустил голову. Он смотрел на свои руки — большие, грубые, с трещинами и следами былой власти — и будто впервые увидел их чужими.

— Я... я не хотел ей зла. Я... — он запинаясь на каждом слове, будто язык тоже стал чужим. — Я был в долгу. Я...

— Все мы в долгах! — перебила его жена, срываясь почти на крик. — Перед землёй, перед жизнью, перед прошлым! Но мы же не кидаем друг друга на алтарь, Талгат! Мы же не расплачиваемся детьми!!!

Дана снова всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Глаза отца дрогнули. Плечи опустились.

— Я думал... — он проглотил воздух. — Я думал, вы поймёте.

Дана медленно и устало подняла голову.

— Поймём? — спросила она тихо. — Что моя жизнь — вовсе не моя?

Эти слова ударили сильнее любого крика. Сауле уже успокоилась и вытирала слёзы.

Талгат шагнул вперёд, но нога подвела его, и он ухватился за край стола. Голос его сорвался:

— Я боюсь... — сказал он вдруг.

Тихо. Так тихо, что все замолчали. Молчание было густым, наполненным мыслями отца. Затем он вдохнул, будто ныряя в ледяную воду.

— Я боюсь, слышите? — продолжил он, почти шепча. — Я боюсь ночи. Боюсь прошлого. Боюсь этих степей... — он провёл рукой по лбу. — Боюсь всего, что я когда-то делал.

Он поднял глаза на Дану — и в них впервые не было начальника, не было отца-командира. Только человек. Сломанный и уставший человек.

— Я вышел ночью... — продолжал он. — И... когда волки были рядом... я подумал... что вот и всё. И впервые за много лет мне стало... страшно, Сауле, Дана. Страшно, как мальчишке. Как тогда, на полигоне, когда всех трясло... И...

Он закашлялся, прикрыл рот рукой.

— И когда Айдар меня вытащил... когда я смог дышать... когда осознал, что жив... я... я сказал первое, что было больше меня. Я хотел...

Он закрыл лицо ладонями.

— Да, я не подумал про тебя. Я... — голос сломался. — Я виноват, балам.

Сауле прикрыла рот рукой и медленно опустилась на стул. По лицу снова катились слёзы, но уже не от злости, а от того, что она наконец видела мужчину, а не камень.

— Я виноват, — сказал Талгат и опустился на стул, как человек, которому разрешили быть слабым. — Простите меня.

Он посмотрел на дочь.

— Дана, — сказал он и впервые произнёс её имя так, как произносит человек, который удивляется тому, как красиво звучит слово, которое ты не используешь каждый день. — Прости, что решил, не спросив. Я пойду. Пойду к нему. И заберу слово. Заберу, слышишь? Я скажу, что был неправ. Что... не имею права.

Он поднялся, будто каждое движение давалось ему через боль, и шагнул к двери.

Но Дана тихо сказала:

— Не надо.

Она смотрела на отца — и любовь, и боль, и обида, и жалость — всё перемешалось.

Он остановился и медленно повернулся, как человек, который боится услышать лишнее.

Дана уже не кричала. Слёзы высохли. Голос стал тонким, но крепким.

— Не надо забирать слово назад, — повторила она. — Я не скажу «да». И не скажу «нет». Я скажу: давайте поедem к ним и посмотрим в глаза. Ему. Его матери. Его дому.

Девушка сделала шаг и стала между родителями.

— Если там будет правда, — она сжала пальцы, — тогда поговорим. Если там будет только твоя вина, — она покачала головой, — тогда я останусь здесь и буду сдавать экзамены.

Талгат замер.

— И я сама спрошу у них, — продолжила Дана. — Хотят ли они... действительно хотят вот так... забрать меня? Лишить меня моего будущего и моих мечтаний?

В комнате снова стало тихо — настолько тихо, что было слышно, как в печи потрескивает старое полено.

Сауле резко вскинула голову.

— А если они согласятся? — голос её дрогнул, как тонкая нить. — А если скажут «да»? Просто «да», как будто ты — не человек, а ответ на их беду? Что тогда, Дана?

Дочь не знала, что ответить. Впервые за вечер её уверенность качнулась, как огонь свечи под сквозняком. Талгат сидел, опустив руки между колен. Его взгляд блуждал по полу, словно искал там ответы, закатанные между щелями досок.

Дана медленно присела рядом, положила ладонь на стол, на ту же поверхность, о которую ещё недавно бились их голоса.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Правда.

Она посмотрела на обоих родителей — уже не как обиженная дочь, а как человек, который принимает самое тяжёлое решение в своей жизни.

Сауле опустилась на край табурета, накрыв рот ладонью — слёзы снова блестели, но теперь в них было меньше истерики и больше понимания неизбежного.

— А если... — её голос дрогнул, и она посмотрела на мужа. — А если они не восприняли твои слова всерьёз? Ты же их сказал... так... вдруг они подумали, что это просто благодарность... пустой звук? А если решат, что ты просто... был в шоке?

Талгат сжал ладони в кулаки. Его лицо — уставшее, с серыми тенями под глазами — будто спрашивало само себя: а что, если действительно?

Но Дана покачала головой. Она взяла маму за руку, потом посмотрела на отца.

— Не знаю. Я не знаю. Ничего не знаю, мама, что мне делать? Думаешь, ехать никуда не надо?

Мама отвела взгляд, выдохнула устало, будто сбросила с плеч лишних десять лет.

— Талгат... доча... — сказала она мягче. — Давайте... просто подождём. Может, время скажет за нас?

Дана смотрела в сторону и задумчиво стучала пальцами по столу.

— Если они завтра придут... значит, надо будет принимать решение. А если забудут — значит, и нам не о чем думать дальше.

Сауле тихо всхлипнула.

— Да... да, Дана... правильно... — сказала она, с трудом удерживая голос. — Не надо спешить. Не надо... ломать судьбу.

Талгат медленно кивнул. Не потому, что был согласен, а потому, что впервые понял: дочь уже взрослая. И он больше не имеет права толкать свои решения впереди неё. Хотя самое страшное решение он уже принял.

Дом замолчал и медленно, осторожно, как после долгой бури, начал возвращаться к дыханию.

День выдался удивительно ясным, почти бессовестно радостным: весна вычистила небо до синевы, солнце перекачивалось по крышам, и даже ветер сегодня дул мягче. В воздухе смешались запахи молока, влажной земли, мяса, что варилось в казане, нагретой доски и далёкого дыма, — жизнь, казалось, была занята собой и не знала, что в одном из домов сейчас будет решаться то, что потом назовут судьбой.

В доме у Талгата были распахнуты окна. Сауле любила весной проветривать так, будто могла выветрить из стен всё, что копилось целый год, и занавески белым дыханием входили и выходили из комнаты. Дана стояла у окна и ногтем медленно отскребала от рамы невидимую соринку. На ней была простая синяя кофта и юбка, чересчур серьёзная для её возраста. С улицы долетали голоса детворы, которая звонко смеялась и спорила, какие имена дать щенятам. Всё это раздражало — потому что мир имел наглость продолжаться, как ни в чём не бывало.

Талгат вошёл неслышно и, не садясь, опёрся на край стола. Сауле принесла чай, поставила три пиалы и спрятала руки за спину, чтобы не было видно дрожи.

— Надо обсудить, — сказала она голосом, в котором звучала тревога. — Уже некуда откладывать.

Дана кивнула. Это «надо» она принимала, как принимают горькое лекарство: знаешь, что полезно, но тело всё равно передёргивает. Она повернулась к отцу и не подняла на него глаз: так ей легче было держать речь — без столкновения взглядами.

— Я думала, — начала она спокойно, как будто отвечала на уроке, — думала всю ночь, а утром думала ещё больше. Если бы в учебниках была глава «как ответить так, чтобы выйти из этой ситуации», — я бы её выучила лучше всех. Но, увы, и в школе, и в жизни тебя учат другому: что «да» — это значит «да», а «нет» — значит «нет».

Она наконец подняла взгляд. В глазах девушки стоял блеск, но не слёзы.

— Мы договорились ждать, и вот дождались того, что люди едут к нам свататься. Мы даже не успели спросить их или познакомиться. Нам просто отправили вестника и сказали, чтобы мы готовились. Всё идёт к тому, что твои слова, папа, произнесённые той ночью, теперь живут своей жизнью. Ты поставил их как печать. А мне жить с этой печатью.

Талгат кивнул, не перебивая. В нём было что-то от солдата на построении: стойкость без оправданий. Он понимал, что каждое «но» из его уст будет звучать как трусость, и он выбрал молчание.

— Я не согласна, — продолжила Дана, — как бы это ни было «неправильно» и «некрасиво», но я думаю, что могу отказать. И пусть спускают всех собак на меня.

Она пожала плечами, и жест показался старше её лет.

— Папа, ты хотел забрать своё слово назад, но так ты будешь выглядеть глупцом. Я сама могу сказать: «нет». И буду абсолютно нормально смотреть на своё отражение в зеркале. И ты, возможно, тоже — со временем. Или же я могу сказать: «да». И каждый раз, открывая утром глаза, буду слышать своё внутреннее несогласие.

Сауле шагнула ближе, тихо, как тень. Она положила на стол хлеб и налила чай, не спрашивая, кто будет. В её жестах было то самое «осторожно»: она знала, что сейчас любое слово станет спичкой. Поэтому она работала предметами: хлебом, чаем, посудой, чтобы хотя бы руками собрать расползающуюся нервозность.

— Дочь, — сказала она, — я прошу только об одном: давайте без ругани, без слёз, сначала выслушаем людей.

И, обернувшись к мужу, добавила:

— Талгат, и тебя прошу, не подталкивай её взглядом, дыханием или своим молчанием. Пусть скажет так, как считает правильным.

Он снова кивнул. Его пальцы лежали на столе выпрямленно, как на линейке, но указательный дрогнул и словно выдал его напряжение. Он вспомнил, как раньше, в больших кабинетах, умел ждать: пока люди сами дорисуют или договорят то, что он уже решил. Сегодня он не решал. Это было особенно мучительно и болезненно.

— А ещё я хочу, во-первых, познакомиться с ним, имею в виду — с женихом, — сказала Дана уже спокойнее. — Я хочу посмотреть ему в глаза. Услышать его голос. Услышать, что вообще он думает и нормально ли для него это. Ну, и его родителей, конечно, тоже хочу послушать.

Талгат слушал и удивлялся, что все слова дочери звучат не как обвинение, а как взрослый разговор. Он поймал себя на странной, неуместной благодарности: что дочь говорит на его языке, но лучше и честнее. Ему хотелось сказать «я горжусь тобой», — но он не сказал. Он знал: это будет звучать как попытка смягчить ситуацию.

— Хорошо, доча, когда они придут, — произнёс он негромко, — я скажу, что я сказал не подумав, сказал на эмоциях. Я извинюсь и объясню, что решать будет дочь. И я выдержу любую твою фразу. Любую.

— Знаю, — кивнула Дана, расставляя тарелки с баурсаками, и подняла глаза на отца. — А если не выдержишь, значит, отныне буду помогать накрывать на стол совсем чужой семье.

Они выпили чай, а потом разошлись. Каждый по своим делам. Сауле расставляла пиалы и аккуратно перемешивала салаты. Сушила на полотенце тонкие тарелки и проверяла ножи, ведь острый нож в доме считался уважением к гостю. Дана достала из шкафа своё самое простое платье — серое и самое неприметное. Она приложила к нему красную ленту, на секунду задумалась и тут же убрала её обратно, потому что красный цвет в этот день казался неуместным.

Талгат, стараясь не показывать хромоту, вышел во двор и вынес ковёр, решив стряхнуть с него пыль. Он махал ковром медленно, будто разговаривал с прошлым. Пыль поднималась всё выше и начинала блуждать в солнечных лучах. Воздух становился густым, свет в нём тускнел, и на мгновение казалось, что эта пыль складывается в знакомый купол, распадающийся на клочья. Как будто степь вспоминала что-то своё и тяжёлое.

К обеду за воротами послышался топот копыт, потом скрип телеги, а потом голоса. Затем во двор въехала делегация. Люди вошли с шумом, с песнями и под звуки домбры. Впереди шёл старший сват — широкий, уверенный, в расшитом чапане, с громким голосом, который сразу заполнял пространство. Рядом шёл мужчина помоложе, сдержанный, а в его глазах сквозила усталость дороги. Ещё двое молодых людей держали на плечах свёрнутые ковры, мешки и сундук. Уже за ними шли Айдар со своей супругой. Она была в чёрном платке, с прямой спиной и светлым лицом, которое, даже улыбаясь, сохраняло твёрдость.

— Ассаламу алейкум! — звякнул старший сват, будто это слово было не приветствием, а праздничной ложкой по краю медного тазика. — Добрый день, уважаемые! Весна к вам пришла, и мы вместе с ней!

— Уа алейкум ассалам, — ответил Талгат жёстко и ровно. — Добро пожаловать.

Подарки раскладывали на отдельной чистой скатерти. Каждую вещь выкладывали медленно, с короткой паузой, словно представляли её невидимому зрителю. Сначала положили ковёр, тонкий, с тёмно-вишнёвым переливом. Затем второй ковёр, светлый, с узором, похожим на растянутые струи дождя. Потом появился сундук, тяжёлый и бодро скрипящий на петлях. Рядом легли шелковые платки. Следом — отрезки ткани, которые мягким блеском обещали новое платье. Затем — связки белых полотенец. Коробка с серьгами. Ещё одна коробка с тонким браслетом. Мешочки с курагой и черносливом. Ещё один мешок с орехами. Связка курта. Пара тёплых одеял и, отдельно, маленький пакетик — «для дороги». Айдар тут же подмигнул: «Чтобы путь был сладким».

Айдар вообще не был похож на строгого ночного спасателя. Его голос был звоном, но не крикливым, а чистым. Говорил много и в тему, выручая воздух, когда тот застревал на полуслове. Сначала он познакомил со своей супругой — Таншолпан. Затем то бросал шутку, мягко и без заноз: «Если ковёр не понравится — вернёте зимой, постелем у коней», то рассыпал тёплые благодарности в ответ на каждую хозяйскую мелочь: «Пиалы выстроены, прям как солдаты, а?», «А баурсаки у вас пахнут детством». Казалось, он смеялся сердцем, а не горлом, и было видно, что этот день для него действительно праздник.

Дана сидела не за столом. Так было принято. Невеста не участвует в сватовстве, она только слышит, как в доме дышат гости, и ждёт, когда назовут её имя. Поэтому она расположилась в соседней комнате, за тонкой занавеской. Свет от лампы проходил через ткань мягко, и от этого её серое платье сливалось с тенью, а коса на плече казалась темнее обычного.

Она видела пальцы Айдара — быстрые и уверенные. Замечала, как тяжёлый сундук словно сам искал себе место на скатерти. Видела, как Таншолпан бережно придерживает угол ткани, чтобы не задеть пиалы. Старший сват клал серьги на белый платок аккуратно и уважительно, двумя ладонями сразу.

Дана чувствовала, как её собственные руки сжимаются. Она сидела тихо, но внутри всё двигалось. Плечи то поднимались, то опускались. Дыхание становилось неровным. Слезы стояли где-то глубоко, но не выходили. Они словно ждали своего часа и знали, что он придёт.

Когда подарки разложили и вещи легли на свои места, в доме установилась тишина. Воздух будто принял каждую мелочь. Потом все сели за дастархан. Всё было спокойно и уважительно. Сауле разливала чай тонкой струёй, стараясь не создавать ни одного лишнего звука.

Старший сват первым начал разговор. Он говорил про дорогу, про здоровье, про весну, которая приходит к каждому, хоть и по-разному. Айдар поддержал его лёгким смехом и рассказал о воробье, который сел на вожжи по пути, будто тоже решил стать сватом. Молодые улыбнулись. На лице Талгата тоже дрогнул угол рта. Это была не улыбка, скорее короткое движение боли.

Разговор шёл естественно. Говорили про калым спокойно и чётко, обсуждали соседей, вспоминали, у кого родился телёнок или кто недавно вернулся из армии. Слова текли, как весенняя вода, легко и быстро.

Но одно всё равно было слишком заметным. За столом оставалось пустое место. Дана знала правила, знала с детства, что жених не приходит на сватовство. Присутствие молодожёнов не требуется, всё решается между старшими.

Но сегодня всё было слишком необычным. И само обещание отца было необычным. И спешка сватов. И взгляд, с которым Сауле смотрела на дверь, будто тоже чего-то ждала.

Поэтому внутри Даны жило тихое, упрямое ожидание. Она думала, что раз всё случилось так странно, почти как в старых сказках, которые она читала в потрёпанных книжках, то, возможно, и жених появится вопреки традиции. Может быть, его захотят представить сразу. Может быть, он захочет поговорить, объясниться, познакомиться лично, чтобы не быть тенью за взрослыми мужчинами.

Она ловила каждый шаг во дворе и каждый шорох в коридоре. Сердце вздрагивало, когда кто-то громко отодвигал стул. Ей казалось, что сейчас дверь откроется и войдёт он, тот самый незнакомый парень, о котором она знала только одно — он сын того, кто спас её отца.

Иногда она почти слышала своё собственное ожидание, как слышат в степи далёкий топот, которого ещё нет, но который будто приближается.

Её взгляд блуждал, несмотря на то что она старалась смотреть в пол. Порой она поднимала глаза и смотрела в сторону двери так, будто проверяла: а вдруг? А вдруг сегодня не про традицию, а про людей? А вдруг его привезли с собой, но пока держат в сторонней комнате? А вдруг сваты решили, что лучше будет, если они встретятся сразу, чтобы снять лишнюю неловкость?

Эти мысли не были мечтой. Это было желание ясности, желание понять, за кого её собираются отдавать, желание увидеть того, с кем связывают её имя.

Но дверь оставалась пустой.

Дана, спрятавшись за занавеской, следила за каждой фразой. Она наблюдала за ритмом беседы, за паузами между тостами, за тем, как меняются лица гостей. Она ждала, что кто-то скажет правду сам. Ждала, что кто-то поднимет эту тему.

Разговор за столом шёл в своём ритме. Тосты сменялись короткими историями, чай лился тонкой струёй, смех Айдара иногда прорывался мягким светом между серьёзными фразами.

Но в какой-то момент воздух стал густеть, словно дом ждал чего-то несказанного. И именно тогда Талгат медленно поднялся.

Стул скрипнул. Сауле перестала разливать чай. Айдар приподнял брови. Даже Дана, сидевшая за занавеской, замерла, будто вслушивалась телом.

Талгат держался за край стола, чтобы скрыть, как дрожит рука. Он оглядел гостей, кивнул каждому по очереди, уважительно, как положено хозяину дома. Потом вдохнул тяжело, как человек, который поднимает на плечи камень.

— Рахмет, уважаемые гости, — начал он. Голос был хриплый, будто прошёл через горсть пепла. — Рахмет всем вам. За ваши подарки. За ваши тёплые слова.

Гости кивнули. В доме стало тише, чем бывает ночью в степи.

— Но... — сказал Талгат. И это «но» сразу сдвинуло воздух. — Но я... Я должен кое-что сказать.

Он замолчал. Слова застряли, как комок пыли в горле. Он сглотнул, снова вдохнул, на секунду закрыл глаза, будто собирал в одну линию разбегающиеся мысли. Когда он наконец вновь заговорил, голос стал прямее.

— Той ночью, — он переместил вес с ноги на ногу и посмотрел на Таншолпан, — я впервые за долгое время ощутил страх. Чего скрывать, я был на грани смерти. И только благодаря вашему мужу я остался жив.

Айдар опустил взгляд. Старший сват похлопал его по спине. Сауле спрятала руки под стол.

Талгат продолжил:

— Айдар... — он кивнул в сторону гостя. — Ты вытащил меня не только из лап волков, но и из лап самой смерти. Я сказал тебе тогда, повторю и сейчас, перед всеми: я в вечном долгу перед тобой.

Слова ложились тяжело, но честно.

— Я был обессиленным, напуганным, но благодарным тебе, — он почти прошептал. — В тот момент я, видимо, не ведал, о чём говорю.

Он посмотрел на гостей так, будто просил их услышать не только слова, но и его сердце.

— Я... поспешил... Не подумал. Это неправильно. И не по-мужски. Но я должен признать...

Сауле кивнула едва заметно — как знак, что он наконец говорит то, что нужно.

— Сейчас другое время, — сказал он уже увереннее. — Другой век. Наши дети другие. Молодёжь... она ведь как? Сейчас всё решает сама. А наше время, видимо, уходит.

Айдар поднял глаза. Это был честный взгляд. Старший сват приподнял подбородок, внимательно выслушивая хозяина дома. Талгат глубоко вдохнул.

— Я... — он говорил медленно, подчёркивая каждое слово. — Я сказал своё слово. Но решать буду не я.

Он повернулся слегка в сторону той комнаты, где за занавеской сидела Дана.

— Моя дочь... — голос дрожал. — Не моё слово будет решающим... Так как это её судьба, то и решать будет моя дочь.

И добавил ещё тише, но твёрдо:

— Как она скажет, так и будет. Но обижаться можете на меня, не на неё.

В доме воцарилась неловкая, тяжёлая и тревожная тишина, как на полигоне после испытания, когда звук уже смолк, а воздух ещё дрожит. Каждый сидел прямо, будто боялся случайным движением нарушить атмосферу, и ожидал взрывную волну. Нервозность разлилась по столу, как горячий чай, который случайно пролили на скатерть: её никто не видел, но все почувствовали.

Старший сват переглянулся с Айдаром. Тот чуть выдохнул, будто ожидал это признание. Сауле прикрыла глаза — то ли от облегчения, то ли от волнения. Затем шевельнулся один из сватов. Он медленно кивнул, будто признавая право хозяина на такие слова. Другой мужчина посмотрел в сторону занавески — туда, где тихо сидела Дана. Его взгляд был не любопытным, а осторожным, будто он пытался понять, слышит ли она каждую фразу.

Айдар кашлянул, коротко и чуть неловко, как человек, которому сказали что-то слишком личное при всех. Он тут же опустил глаза в пиалу и принялся её покачивать, перемешивая чай.

И именно в этот момент, когда все, казалось, ждали, что разговор закончится, Таншолпан чуть приподнялась со своего места. Спокойная, мягкая, с глазами, в которых жило тепло.

Она поднялась не полностью, только настолько, чтобы голос её звучал чуть выше стола.

— Ну что ж... — сказала она тихо. — Раз уж слово сказано и раз уж теперь решает ваша дочь...

Она перевела взгляд к занавеске. В её глазах не было ни упрёка, ни просьбы. Лишь уважение.

— Кызым², — произнесла она почти шёпотом, но так, что слышали все. — Войди, пожалуйста.

Дана за занавеской почувствовала, как сердце сжалось и что следующий шаг принадлежал ей.

Ткань в дверном проёме дрогнула.

Талгат едва заметно вздохнул.

Сауле резко подняла голову.

Айдар снова опустил взгляд.

Старший сват отодвинул тарелку, словно освобождая пространство.

Дана медленно поднялась. Она вышла не как невеста и не как гость, а как человек, который вдруг понял, что его имя только что положили на стол между пиалами. Серое платье двигалось за ней тихой волной, почти не касаясь пола. Ладони были сцеплены, чтобы никто не увидел волнения. Она сделала шаг, потом второй. И в каждом шаге слышалось то, что она не произносила вслух: страх, достоинство, растерянность и уважение.

Она остановилась у края дастархана, подняла глаза и впервые за вечер посмотрела на гостей. В этом взгляде было всё: благодарность за правду, обида на ситуацию, ожидание, которое сжигало её изнутри, и странное спокойствие девушки, которая решила идти до конца, даже не зная, что ждёт впереди. Комната, полная взрослых голосов, казалась теперь слишком тихой. И каждый гость, и даже Айдар, едва заметно выпрямились, будто хотели дать ей больше воздуха. Дана стояла, как тонкая свеча на ветру, и всё равно не угасала.

— Здравствуйте. — Она обвела присутствующих спокойным взглядом. — Простите, что вмешиваюсь. Я знаю, что это неправильно и, возможно, даже грубо. Но раз уж моё имя сегодня звучало... Я должна сказать несколько слов.

Она немного поправила осанку, чтобы голос не дрожал, и перевела взгляд на Айдара.

— Прежде всего... спасибо вам. — Она говорила тихо, но так, что каждое слово ложилось прямо в сердце слушающих. — За то, что спасли моего отца. За то, что в ту ночь вы были рядом. За то, что вернули его домой. Мы... мы все понимаем, какой это поступок. И я благодарна вам. От себя. Честно.

Айдар поднял глаза, словно хотел что-то ответить, но не решился.

Девушка перевела дыхание, коротко, будто собиралась с духом.

— Но я должна сказать и о себе. — Она сжала пальцы, чтобы удержать голос ровным. — Все эти дни... для меня всё это было неожиданным. И тяжёлым. Я старалась слушать, понимать, принимать. И даже сегодня, пока я слушала вас, я всё равно ждала. Ждала хотя бы одного шага. Одного слова. Частицы внимания от человека, о котором идёт речь.

Она опустила взгляд, потом снова подняла — уже смелее.

— И, прежде чем я отвечу... — она сделала паузу, в которой слышно было, как взволнованно дышит комната. — Я хотела бы знать: а почему его нет здесь?

Гости замерли.

Старший сват медленно выдохнул.

Сауле сжала руки у груди.

Дана продолжала:

— Я знаю, что по обычаю жених не должен приезжать. Но я также знаю, что это не нарушение, многие допускают этот момент. Но в нашем случае всё произошло так неожиданно...

² кызым — «доченька», ласковое обращение

так необычно... что я подумала... может быть... — она чуть качнула головой. — Может быть, он придет. Захочет увидеть меня. Сказать хоть пару слов. Узнать, кто я.

И тут её голос всё-таки дрогнул. Совсем немного.

— Неужели ему всё равно? На меня... моего отца... мою маму...

Она быстро глотнула воздух, пытаясь удержать себя в рамках.

— Как он... относится ко мне? К тому, что здесь сейчас происходит? Он знает? Хочет ли он? Или для него я только... слово, сказанное в ночь, которую он даже не видел своими глазами?

Глаза Даны блеснули. Слезы поднялись медленно, как вода в роднике — сначала невидимые, потом заметные, но ещё не падающие на щеки.

— Я никого не хочу обидеть, — сказала она тихо. — Но, прежде чем отвечать... я бы хотела знать, почему его здесь нет?

И в этот момент в доме стало так тихо, будто стены задержали дыхание вместе со всеми.

Сваты неуверенно переглянулись.

Ещё один мужчина слегка отодвинул пиалу, будто она вдруг стала слишком горячей, хотя чай уже давно остыл.

Другой провёл рукой по колену, как будто хотел стереть пыль, которой там не было.

Старший сват поправил чапан и медленно выпустил воздух. Это был не вздох — это был жест человека, который понял, что лёгкого пути не будет.

Таншолпан, сидевшая рядом с Айдаром, опустила взгляд, словно искала нужные слова на полу.

Её плечи чуть дрогнули, как у человека, который вот-вот скажет правду, но боится ранить.

— Наш жених... — кашлянул старший сват и улыбнулся, стараясь быть как можно откровеннее, — стесняется.

— Но почему? — повторила Дана мягко. — Чего же тут стесняться?

Мать жениха посмотрела на девушку внимательно, без неприязни, и положила ладонь на стол, привлекая к себе внимание присутствующих.

— Кызым, — сказала она, — ты права, мы пришли не обманывать. Мы пришли по обычаю, и ты всё говоришь верно. Правду вовсе не скрывать. Наш сын не ходит. Он на коляске. Полигон...

Талгат не шевельнулся. Лицо его лишь стало жёстче, как будто кто-то подтянул гайки. Сауле чуть наклонилась вперёд. Дана выдохнула. В её глазах мелькнул не ужас, а только ясность момента.

— Он не приехал, потому что не хочет быть жалостью, — продолжила Таншолпан. — Он и нас отговаривал, чтобы мы не позорились. Но мы же родители. Мы хотим счастья своему ребёнку.

Тишина очередной волной за сегодняшний день накрыла комнату. Чай перестал шуметь. Даже дети за окном будто стихли.

— Он написал письмо, — мать жениха пальцами коснулась груди, где-то под платком, — для тебя. Потом. Если ты захочешь.

Слова ложились тихо и честно. И в этот момент, как будто верёвка внутри лопнула, встал Талгат.

Он сразу стал высоким — плечи вверх, подбородок острее, глаза темнее. Воздух сжался.

— Нет, — сказал он. Просто и глухо.

Айдар ещё улыбался глазами, ещё держал в ладони лёгкую фразу, ещё готов был бросить в воздух спасительную шутку. Но Талгат уже поднял голос.

— Нет! — повторил он громче, и пиалы на столе, кажется, вздрогнули. — Нет. Не будет этого. Я не отдам свою дочь. Слышите? Не отдам!

Айдар затих. Весь его звонкий день, вся лёгкость, вся разговорчивость схлопнулись за долю секунды. Он поставил пиалу и опустил глаза. Старший сват тоже отвёл взгляд. Молодые сваты сидели неподвижно. Таншолпан сжала край своего платка пальцами, крепко, но спокойно.

— Почему ты не сказал? — хрипел Талгат в сторону Айдара. — Я благодарен — да! Я жив — да! Ты меня спас — да! Но я не буду платить своей дочерью за чужую доброту.

Талгат медленно прошёлся вдоль стола, как зверь по своей клетке.

— За... — он искал слово и сам же напугался его, — за инвалида! Вы хотите, чтобы моя девочка стала сиделкой? Чтобы её жизнь...

Он оборвал мысль и резко махнул рукой, как будто смахивал невидимую паутину. Сауле подняла руки и пыталась его остановить, но он не замечал. Он бросался фразами, как камнями:

— На коляске! — в этих словах было больше боли, чем злости. Он будто бил ими себя, а не их. — Мою дочь — туда? С чего? Почему? Потому что я однажды сказал ночью? Потому что волки? Тогда отнесите меня назад, и пусть меня разорвут на куски! Потому что я виноват перед этой землёй? Так я и останусь виноват! Но я не буду расплачиваться своей дочерью!

Он ударил кулаком по столу — не сильно, но по-пустому. Баурсаки дрогнули, один из них покатился по столу и остановился как точка в конце фразы.

Айдар молчал. Он держал руками край стула и смотрел на сгиб скатерти. Но молчание его было не трусостью, а силой. Он знал цену словам и знал, как они калечат. Старший сват тоже молчал. Молодые молчали от уважения. Таншолпан молчала, чтобы не задеть в мужчине то, что изнутри уже рвалось на лоскуты.

Дана сидела недвижимо. Её слёзы ручьями полились из глаз, и она даже не вытирала их. Не пряталась. Слёзы текли вниз и капали на руки.

— Я сказал! — рвал воздух Талгат. — Разговор закончен! Всё!

Он дышал часто, судорожно, как после спринта. И глядел на всех по очереди, словно на учеников, которым заранее поставил двойку.

Тишина и дальше была на стороне сватов. Никто не оправдывался. Никто не спорил. В этой тишине было достоинство и знание: всё уже решено, а добивать словами — грешно.

Тогда Айдар поднялся. Медленно и без резких движений. За ним встал старший сват. Молодые двинулись синхронно. Последней поднялась супруга Айдара.

— Мы не обижаемся, — сказал отец жениха мягким голосом. — Мы не в обиде. Мы знали. Так бывает.

Он чуть повернулся к жене, и она кивнула в ответ. В её глазах не было ни укора, ни просьбы.

— С вашего разрешения, — Айдар неуклюже указал руками на скатерть с подарками, — мы оставляем всё вам. Мы дарили от души и, честно говоря, даже обсуждали этот момент. Поэтому примите, мы выбирали всё с благими намерениями.

Старший сват подошёл к Талгату, чуть склонив голову. За ним же подошёл и сам Айдар.

— Спасибо, — сказал он. — За приём. За дастархан. Никаких обид.

Талгат стоял, опираясь ладонями о стол. Вся его стихийная сила за минуту ушла куда-то, оставив после себя пустую воронку. На лице читалось тяжёлое и нехитрое: «я не смог иначе», «я же...». Он открыл рот, чтобы хоть что-то ответить. Но ничего не вышло.

Таншолпан в это время тёплым объятием попрощалась с Сауле. Затем она перевела взгляд на Дану.

— Счастья тебе, доченька, — Таншолпан улыбнулась. — Своего. Не чужого.

Она шагнула ближе и поцеловала девушку в лоб. Тихо и бережно, как целуют своих невесток, дочерей и внучек. И было в этом поцелуе что-то такое, от чего у Даны дрогнул подбородок.

Женщина вынула из-за пазухи конверт — белый, аккуратно сложенный, с тонкой складкой на краю. Дана взяла его дрожащими руками, и её слёзы капнули прямо на белую бумагу.

— Это от сына, — сказала она. — Прочитай, пожалуйста, он очень просил. Он писал для тебя.

Затем она взяла руки Даны в свои.

— Дана... — произнесла она, и голос её был мягким. — Всё хорошо, правда. Мы не обижаемся. И не держим на вас зла. Мы знали, что так может случиться. Мы всё понимаем.

Она улыбнулась едва заметно, но в этой улыбке была та тяжёлая, тёплая мудрость, которая приходит только к тем, кто много лет живёт рядом с болью.

— Я принесла тебе ещё кое-что... один аманат³, — сказала она тихо.

Женщина раскрыла ладонь, и на ней лежали серьги — тонкие, серебряные, крошечные звёзды. Такие серьги подходят восемнадцатилетней девушке в любое время и в любой семье.

— Эти... серьги... — она вздохнула, и вздох её был длинным, словно тянул за собой целую прожитую жизнь. — Я берегла их для своей будущей невестки. Сердце у меня тогда... чуть согрелось, когда сказали, что наш сын может жениться. Думала: вот, может быть, и у него откроется счастье.

Потом она подняла глаза — прямо и честно.

— Но, видно, судьба решила иначе. Не обижайся. Возьми их. Я слушала, как ты рассуждаешь. Ты большая умница. И я буду счастлива, если они всё-таки будут у тебя.

Она вложила серьги в ладонь Даны. Не как подарок, а как часть своей души, как благословение, как тихое, искреннее «будь счастлива».

Дана не выдержала. Губы вновь дрогнули. Покрасневшие глаза вновь наполнились слезами.

Одна слеза упала на серебро — и серьга будто вспыхнула, словно маленькое солнце, которое только что родилось в её руках.

— Спасибо... — прошептала Дана. — Спасибо вам...

Таншолпан наклонилась, обняла девушку и поцеловала её в висок.

— Будь счастлива... какой бы путь ты ни выбрала, — сказала она.

Гости поклонились. Старший сват сказал только одно слово: «Рахмет». И все молча вышли. Дом медленно затих. Осталась тишина. Серьги на ладони девушки. И письмо в конверте.

Вечер в тот день был какой-то ненастоящий. Весна шумела за окном слишком громко: вода стекала по ржавым крышам, капли стучали о ведро у ворот, где-то над деревьями ругались вороны. Внутри дома царил другая музыка: тяжёлое дыхание стен, отголоски недавних криков и пустота после ухода гостей.

На кухне гремела бутылка: стеклом по стеклу, стаканом по столу. Талгат пил, не скрываясь, как будто каждый глоток был новым аргументом в его пользу, только не произнесённым, а проглоченным. Его лицо было серым, глаза уходили куда-то в стол. Иногда он вздыхал так, что скрипели все стулья на кухне.

Сауле тихо ходила по дому, собирала пиалы, меняла скатерти. Каждое её движение было не ради порядка, а ради дыхания: если руки заняты — легче не слушать собственное сердце. Она поглядывала на дочь осторожно, краем глаза, будто боялась потревожить.

Дана сидела у себя в комнате. На подушке рядом лежали серьги-звёздочки, а на коленях у неё — белый конверт. Лист бумаги казался тяжёлым, как камень. Она провела пальцем по

³ аманат — нечто, переданное с доверием и обязательством сохранить или исполнить

сгибу, по краю, потом снова вернула руки на колени. Слезы текли уже давно, сами, без разрешения. Сначала крупные, тяжёлые, а потом уже тонкой струйкой. Она не пыталась их остановить. В какой-то момент даже засмеялась сквозь всхлип: «Что со мной? Я ещё даже не читала». Смех мгновенно оборвался, оставив только горькое эхо.

— Доченька, — заглянула Сауле неслышно. — Хочешь, я посижу рядом?

— Сиди, мама, — прошептала Дана, — только не говори ничего.

Сауле так же тихо прошла в комнату и села у изголовья.

Девушка глубоко вдохнула и наконец вскрыла конверт. Бумага развернулась со скрипом, будто сопротивлялась, и она увидела аккуратно выведенные буквы.

«Привет, Дана. Меня зовут Арман.

Я пишу тебе, хотя мы с тобой незнакомы, а может быть, так и не познакомимся. Я понимаю, какая это странная ситуация: я не приехал, а тебя поставили перед выбором, которого ты не искала. Прости за это.

Я не приехал не из упрямства или гордыни, а, элементарно, из-за своей трусости и уважения к вашей семье. Я боюсь, что твои глаза будут смотреть на человека, а отражать мою коляску.

Если я ошибся, прости.

Мне, правда, жаль, что всё так вышло. Я уговаривал родителей не ехать, говорил, что лучше не стоит, что всё закончится болью. Но они хотели как правильно. Хотели по-человечески. Они поехали — а я не смог. Не пересилил себя. Я не привык быть в центре событий по своей воле.

Мне ничего о тебе не известно, кроме имени и возраста. Знаешь, когда наши родственники оповестили вашу семью, что мы приедем свататься, я струсил ещё большие и впервые в жизни захотел испариться.

Я понимаю, что ты откажешься. Я бы на твоём месте тоже отказался. Никому не нужна жизнь рядом с человеком с поломанной судьбой (и телом). Это более чем очевидно. Но всё равно мне очень важно сказать: я уважаю тебя. Даже не зная тебя, я уважаю. Ты — та, кто оказался в центре всего этого несправедливого долга, ошибочного страха и чужого слова. Это тяжело, и ты не должна нести это бремя.

Прости нас. Прости моих родителей. Это не их вина. И, наверное, даже не моя. Это вина земли, на которой мы живём. Это последствия полигона. Это его раны. Здесь всё пропитано этим: трава, вода, воздух. А мы все — просто люди в истории, которая началась до нас. И если я что-то понял, так это то, что обида делает нас ещё меньшими перед этой историей. Я не хочу быть малодушным. Я хочу быть человеком, который умеет принимать.

Я много думал о том, почему именно мы. Почему именно я должен сидеть в коляске, а не кто-то другой. Ответ простой и жестокий: потому что так решила земля. Потому что где-то много лет назад люди, так же не спрашивая, позволили превратить степь в рану. И теперь эта рана ищет, на ком оставлять отпечатки. Вот и нашла. Видимо, я просто разменная монета в этой сделке. Наследник чьей-то ошибки.

Я хочу, чтобы ты знала обо мне что-то ещё, помимо того, что я не хожу. Я ремесленник, насколько хватает рук. Вырезаю по дереву, чиню седла, вытягиваю старую кожу до её второго дыхания. Это маленькое ремесло держит меня в тонусе. Когда пальцы в работе, я чувствую, что я живой человек, от которого есть польза. Иногда мне приносят старые вещи — такие, с которыми стыдно расставаться. Я их слушаю. И каждый разорванный шов рассказывает мне свою повесть.

Если ты будешь не против, мы можем хотя бы стать друзьями. Мне не нужны обещания. Я не жду от тебя ничего. Но если всё уляжется и если у тебя когда-нибудь будет жела-

ние поговорить — я буду рад. Даже простая переписка — это тоже дружба. Я верю, что всё можно прожить тише и без боли, если говорить честно.

Ещё раз прости. Я надеюсь, что никто никого не обидел. Я очень надеюсь. Желаю тебе счастья.

С уважением, Арман».

Дана дочитала все строки. Некоторые по нескольку раз, будто надеялась, что при повторном чтении буквы сложатся иначе и дадут другой смысл. Бумага в её руках стала мокрой от слёз, местами чернила поплыли. Она провела пальцем по размытой букве, будто хотела вернуть её на место.

Сауле тихо гладила её по волосам, молча и осторожно.

Через мгновение Дана выпрямилась, словно внутри неё что-то встало на своё место.

— Мама... — сказала она едва слышно.

И Сауле только кивнула в ответ.

Арман проснулся ранним утром, без голоса матери и без скрипа отцовских шагов во дворе. Пустота была непривычной: в доме, где всегда кто-то стучит, кашляет, смеётся или зовёт, тишина казалась слишком просторной.

Он пересел в коляску и подкатил к столу. Родители уехали ещё вчера, и он остался один — что случалось редко, но не впервые. Он налил себе пиалу воды, выпил залпом, потом нарезал себе ломтик хлеба. Всё было просто, как всегда.

Затем Арман переместился в мастерскую и взялся за работу. Он прижал коляску к верстаку и переложил на колени кусок старой кожи. Лампа горела вполнакала, солнечный свет пробивался в окна, подсвечивая пыль в воздухе, и казалось, что она медленно танцует.

Парень работал молча, с тем сосредоточенным упрямством, которое всегда спасало его от тяжёлых мыслей. Игла протыкала кожу, нитка скрипела, натягивалась, и шов ложился ровно. В такие минуты он ощущал себя не пленником, а мастером. Мир вокруг мог быть несправедливым, но здесь, в ремесле, всё зависело только от его рук.

Сначала Арман не заметил ничего постороннего, но внезапно в воздухе что-то изменилось. Сначала — лёгкий шум, будто ветер принёс неестественные звуки. Он поднял голову, прислушался, а затем снова уткнулся в работу. Где-то далеко запели женщины, но весна всегда была полна звуков. Он продолжал шить, пока не услышал смех. Не обычный, не домашний, а звонкий, разлившийся в степи. Потом снова: звонкие голоса, радостные выкрики. И вдруг зазвучала музыка. Пронзительная и живая, словно кто-то открыл двери празднику и впустил его прямо во двор. И тогда его сердце дрогнуло.

Арман отложил иглу и подкатил к окну. Занавеска колыхнулась от сквозняка. За ней было движение и люди. Много людей. Цветные платки, шаги, крики, топот лошадей. И музыка. Дом содрогнулся, будто степь взяла его в ладони и встряхнула. Послышался звон. Шашу⁴, россыпью монет, покатались по двору. Дети визжали, собирая их пригоршнями. Дыхание парня сбилось. Сердце билось так сильно, что казалось, оно ударит о рёбра и вырвется наружу.

И в этот момент распахнулась дверь. Солнце упало внутрь так резко, что стены ожили.

На пороге стояла Дана в белом платке. У неё были глубокие, как небо, глаза, в ушах виднелись серебряные звёздочки, и она улыбалась так, что в груди что-то ломалось и рождалось заново. Она была красивее, чем он мог себе представить. Самая красивая.

Девушка вошла медленно, но уверенно, сжимая в руках конверт с его письмом.

⁴ шашу — обрядовое разбрасывание сладостей или монет в честь радостного события

— Здравствуй, — сказала она. Голос прозвучал мягко и нежно.

Арман не смог ответить. Руки дрожали, губы приоткрылись, но слова не вышли. Он смотрел на неё, будто боялся, что видение исчезнет, если он моргнёт.

Она сделала шаг вперёд и вдруг, смутившись, спросила тихо:

— Можно войти?

Парень кивнул, не находя слов, а затем рассмеялся. Сначала неловко, а потом громко, так, как смеются дети, когда впервые верят в чудо. Дана тоже рассмеялась. Их смех переплёлся с музыкой, голосами и криками во дворе и стал ещё одним звуком этого утра.

Арман и Дана поняли: теперь весна принадлежит им обоим.

Бата⁵

Азамат любил смотреть на город сверху. Он стоял у окна своего кабинета на двадцатом этаже, опирался рукой на холодное стекло и видел, как под ним медленно просыпается улица. Автобусы, полные людей, толкались на остановках, бабушки продавали первые связки зелени на прилавках, подростки, пряча телефоны в карманах, пробегали через дорогу. Весь этот хаос казался ему муравейником, в котором он сам давно уже был человеком с лупой, способным в любой момент сфокусироваться и изменить чей-то путь.

Азамат владел ресторанами, строительными компаниями, логистическим бизнесом. За его спиной стояли связи — чиновники, директора департаментов, банкиры, прокуроры. Он умел звонить в нужный момент и решать вопросы одним коротким «алло». Ему принадлежали участки земли, которые другим даже не показывали на картах. Его имя произносили с уважением и с опаской. И всё же ему этого было мало.

На столе перед ним лежали свежие газеты. На всю первую полосу было его лицо с заголовком: «Азамат — кандидат будущего». Он взял газету и посмотрел на фотографию: дорогой костюм, уверенный взгляд, правильный угол. Всё выглядело так, как должно. Всё шло по плану.

В кабинете было оживлённо. Один помощник читал список встреч, другой уточнял по телефону детали предстоящего визита в университет, третий ждал с папкой новых проектов. Азамат слушал вполуха, кивая и делая пометки.

Его политическая кампания была в разгаре. Билборды с его лицом висели на центральных улицах. Соцсети кипели от постов: фотографии и видеоролики, где он жмёт руки рабочим, разговаривает с матерями и улыбается детям. Каждое движение отточено. Каждый шаг рассчитан. Он знал: политическая игра требует того же, что и бизнес — дисциплины и контроля. И его команда работала как машина.

Но всё же в последнее время он чувствовал, что чего-то не хватает.

— Так, кампания идёт неплохо, и цифры хорошие, — сказал Арман, советник и давний товарищ по университету. Он положил на стол папку с графиками. — Рост рейтинга стабильный. А у нас есть ещё одна идея.

Азамат поднял бровь.

— Какая?

— Народ видит в тебе бизнесмена, Азамат. Успешного, да. Но чужого. Ты богат, ты строишь дома и рестораны, у тебя связи. Но люди думают: «Он не наш. Он один из тех, кто сверху».

Азамат усмехнулся.

— Но я и есть сверху.

— Вот именно, — тихо ответил Арман. — А людям нужен тот, кто с ними рядом.

Бизнесмен откинулся в кресле и закурил сигарету. Дым поднялся к потолку, нарисовав медленную спираль.

— Что ты предлагаешь? — наконец спросил он.

— Символ. Людям нужны символы. Все твои ролики, все твои цифры и обещания, конечно, — это важно, но этого мало. Нужно что-то, во что они поверят сердцем. Что-то, что нельзя купить деньгами.

Азамат усмехнулся снова.

— Деньгами можно купить всё.

Арман покачал головой.

— Нет. Не всё. Идея следующая: тебе нужно благословение. Нужно получить бата.

Слово повисло в воздухе.

⁵ бата — благословение, напутствие старших

— Бата? — переспросил Азамат, иронично вытягивая губы. — Ты серьёзно? В двадцать первом веке?

— Серьёзно, — ответил Арман. — Именно поэтому. Век меняется, технологии меняются, а люди остаются прежними. Ты можешь построить десять школ, подарить сто квартир, но общая масса это забудет. Народ любит символы. Если уважаемый аксакал поднимет руки и скажет: «Пусть твой путь будет открытым», — это вьётся им в память.

Азамат молчал. Он был практиком и всегда считал всё цифрами. Но он понимал: в этих словах есть правда. Люди верят не фактам, а образам. Им нужен знак.

— И кто этот аксакал? — спросил он наконец.

— Сеит-ата, — сразу подхватил Арман. — Живёт в ауле неподалёку. Он очень уважаемый старик. К нему приходят за советом даже чиновники. Помнишь, во время паводков весной? Его даже вертолётom забирали, и пролетели над всеми опасными местами. Одно его слово весит больше, чем все статьи в газетах.

Азамат втянул дым и медленно выдохнул. В памяти всплыли картины детства: лето в ауле у бабушки, вечера, когда старики сидели у ворот и разговаривали, и от этого становилось спокойнее. Он никогда не верил в силу этих слов, но помнил, как взрослые, услышав бата, всегда замолкали и расправляли плечи.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Едем к нему.

Арман кивнул.

— Выедем завтра утром. Надо сделать всё красиво: подарки, камеры, журналисты. Это должно стать событием.

Азамат улыбнулся. Слово «красиво» было для него ключевым. Всё должно быть красиво.

Он затушил сигарету, поднялся из кресла и подошёл к карте города, висевшей на стене. На карте были отмечены все его проекты: стройки, рестораны, торговые центры. Он смотрел на них и видел, как линии соединяются, образуя сеть, в центре которой стоял он сам. Но теперь он хотел большего. Он хотел, чтобы в центре этой сети было слово «аким».

Азамат умел делать так, что грязь превращалась в золото, а сделки — в легенды. Он строил не просто дома, а дома с «историей», где документы подписывались не всегда по правилам, но всегда вовремя. Он умел дружить с нужными людьми: аким района получал в подарок внедорожник, директор департамента — квартиру, председатель — долю в бизнесе. Всё это шло без бумажек, на доверии. На том самом доверии, которое теперь он хотел получить и от народа.

— Значит, завтра, — повторил он, глядя на карту. — Получим благословение.

Он не заметил, как за его спиной дым от сигареты поднялся к потолку и повис пятном, похожим на облако перед дождём.

Ближе к вечеру, когда Азамат подписывал очередные бумаги и обсуждал графики, неожиданно зазвонил телефон. На экране высветилось имя: Айман. Сестра всегда умела звонить в самый неподходящий момент — не потому, что не чувствовала границ, а потому, что жила вне его календаря.

— Братишка, — услышал он её голос, — ты хоть спишь иногда? Или собираешься из себя вечный двигатель сделать?

Азамат рассмеялся, не останавливаясь, и сделал знак помощнику подождать. В другой руке он всё ещё держал планшет, взгляд скользил по цифрам и фамилиям.

— Айман, не начинай, — сказал он легко. — Всё нормально. Просто период такой.

— Ты всегда так говоришь, — ответила она мягко. — «Период», «потом», «чуть позже». У тебя вся жизнь как одно длинное «потом».

Он остановился у окна и машинально глянул вниз, на суету у входа.

— Работа есть работа, — сказал Азамат. — Ты же знаешь.

— Знаю, — кивнула она, хотя он не видел. — Поэтому и звоню. Просто напомнить, что у тебя есть семья. Мы тоже иногда хотим слышать твой голос не из новостей и не из чужих пересказов.

Он вздохнул и переключил страницу на планшете.

— Я скоро заеду, — сказал он скорее автоматически, чем уверенно. — Правда.

На том конце повисла короткая пауза.

— Я хотела кое-что обсудить, — сказала Айман тише. — Не по телефону. Когда будет время.

Он посмотрел на часы, потом на список встреч, выстроенных плотной колонной.

— Что-то срочное?

— Нет, — ответила она после секунды молчания. — Просто важное.

— Давай позже, ладно? — сказал он. — Сейчас совсем завал. Или при встрече поговорим.

— Хорошо, как скажешь, — сказала сестра спокойно. Без обиды и без нажима. Так говорят люди, которые привыкли ждать.

Она помолчала ещё секунду и добавила, будто между делом:

— И позвони маме. Она скучает.

— Позвоню, — ответил он сразу.

Связь оборвалась. Он убрал телефон в карман и вернулся к цифрам, подписям и фамилиям. Входящие начали сыпаться одно за другим, Арман снова заговорил без умолку, и день продолжил требовать внимания.

Азамат так и не заметил, как мысль о звонке маме растворилась где-то между пунктами повестки и срочными задачами, как привычное «потом», которое, как отметила сестра, в его жизни слишком часто оставалось без даты.

Он вернулся домой поздно, когда окна города уже гасли одно за другим. В квартире было тихо и тепло. Жена сидела на диване, поджав ноги, с книгой на коленях и чашкой давно остывшего чая в руках. Услышав, как открылась дверь, она обернулась и устало улыбнулась.

— Ты сегодня позже обычного, — сказала Аружан. — Я уже успела подумать, что ты снова решил ночевать в офисе.

Азамат снял пиджак, повесил его небрежно, прошёл на кухню и налил себе воды.

— День был тяжёлый, — ответил он. — Кампания в разгаре. Ты же знаешь, как это бывает.

— Знаю, — кивнула она. — Ты так говоришь уже который месяц. Будешь есть?

Он сел напротив, потёр лицо ладонями.

— Нет, я не голоден. Сейчас сложный период. Надо просто переждать.

Она посмотрела на него внимательно, не перебивая, словно собиралась с мыслями.

— А ты уверен, что тебе надо это всё? — спросила она наконец.

Азамат поднял взгляд.

— В каком смысле?

— В таком, — сказала Аружан тихо. — Ты всё время напряжён. Даже когда молчишь — будто внутри у тебя что-то не отпускает. Я смотрю на тебя и думаю: а если это не твой путь? Если ты просто тащишь на себе то, что давно перестало быть твоим?

Он усмехнулся — скорее по привычке, чем с иронией.

— Ты переживаешь зря, родная. Со мной всё в порядке.

— Я знаю, что ты сильный, — сказала она. — Но сильные тоже устают. Просто не всегда умеют это признать.

Она поставила чашку на стол и придвинулась ближе.

— Я не против того, что ты делаешь, милый. Правда. Я просто боюсь, что в этом шуме ты перестанешь слышать себя. А потом будет поздно.

Азамат молча вздохнул.

— Посмотри на себя, — продолжила она. — Ты почти не спишь. Всё время в дороге, в разговорах, в решениях. Ты даже дома будто всё ещё там.

Он отвернулся и сделал вид, что ищет телефон.

— Это временно, — сказал он. — Вот закончится всё — и станет легче.

Аружан улыбнулась, но в этой улыбке было больше грусти, чем уверенности.

— Ты всегда говоришь «потом». А я просто хочу, чтобы с тобой сейчас всё было хорошо.

Он вздохнул, протянул руку и коснулся её ладони.

— Со мной всё хорошо, — повторил он уже мягче. — Честно.

Она сжала его пальцы.

— Я надеюсь, — сказала она. — Просто пообещай, что если вдруг почувствуешь, что тебе тяжело... ты не будешь тащить это в одиночку.

Он кивнул.

— Обещаю.

Она закрыла книгу, поднялась и поправила плед.

— Я поеду завтра к родителям, давно их не навещала, — сказала она уже спокойнее. — Ты всё равно будешь занят. Но мне будет легче, если я буду знать, что ты хоть иногда выдыхаешь.

Азамат сжал губы.

— Всё будет нормально, — сказал он сухо. — Вот увидишь. Ты ещё будешь гордиться.

Аружан посмотрела на него долго, будто пыталась запомнить.

— Я и так горжусь, — сказала она. — Я просто боюсь, что однажды мне придётся гордиться кем-то, кого я больше не знаю.

Когда она ушла в спальню, он остался сидеть в тишине. И впервые её забота показалась ему не поддержкой и не сомнением, а вопросом, на который он пока не был готов ответить — даже себе.

Утро выезда в аул началось с редкой суеты, которую Азамат обычно презирал, но на этот раз он наблюдал за ней молча, с тяжёлым, сосредоточенным лицом. Перед входом в здание офиса выстроилась целая колонна машин: впереди внедорожник с охраной, затем микроавтобус с аппаратурой и медиа-командой, а уже за ним его собственный чёрный седан с мягким кожаным салоном, где его ждал термос с чаем, свежие газеты и аккуратно разложенные бумаги. Замыкали колонну ещё два автомобиля помощников и водителей.

Секретари носились с коробками. Ковёр в золотистых узорах бережно сворачивали и затягивали лентами. Часы в футляре проверяли трижды, чтобы не поцарапать. Корзину фруктов переставляли то в одну машину, то в другую и спорили, как будет «выглядеть лучше» в кадре.

Сам Азамат относился к этому как к постановке. У него было много «спектаклей» — открытия ресторанов, закладки первых камней, встречи с инвесторами. Все они были похожи друг на друга: улыбки, рукопожатия, вспышки камер, банальные слова о будущем. Но этот спектакль почему-то казался важнее. Здесь речь шла не о выгоде, а о доверии. И потому в душе жила тревога, едва заметная, но упрямая, как песчинка в обуви.

— Всё готово, — доложил Арман, держа в руках список. — Выезжаем по графику. К десяти будем у Сеит-ата.

Азамат кивнул и сел в машину.

Дорога уходила в степь. Город остался позади, шум растворился, и впереди была только длинная лента асфальта, уходящая в горизонт. Азамат сидел в тишине, глядя в окно на степь.

Пасмурное небо висело низко, редкие кочки травы качались под колёсами, ветер тянул пыль. Всё казалось слишком простым и слишком настоящим. В моменте появилось чувство, что на фоне этой простоты его костюм, галстук и блестящие часы выглядели чужеродным блеском.

— Главное помнить, — сказал Арман, наклоняясь ближе, — что мы приехали с уважением. Мы не покупаем бата, мы показываем, что ценим его слово.

Азамат кивнул. В его голове всё равно крутилась мысль: «Красиво». Всё должно быть красиво.

— Нас встретят у ворот, — сказал Арман, не отрывая взгляда от планшета. — Сначала приветствие, пара общих кадров: обязательно упомяни: «Вы — надежда аула и всего народа», «Мы — мост между поколениями». Потом — подарки. А уже потом — бата. Затем короткая беседа о «ценностях». Общий проход. И домой.

Азамат кивнул. Сценарии он любил с детства: в них не было случайностей, а ошибки можно было назвать режиссёрским ходом.

На половине пути колонна замедлилась: дорогу неторопливо пересекало стадо коров, двигаясь лениво и размеренно, как мысли в голове уставшего человека. Водитель терпеливо дождался, пока последняя, оглянувшись, перепрыгнет через кювет, и только потом мягко нажал на газ. Азамат машинально отметил про себя, что это хорошая примета, деревенская и простая: к стаду — к изобилию. Он всегда любил такие лаконичные объяснения, в которых мир словно складывался сам собой. Там, где логика начинала путаться, в силу вступал ритуал, и всё вдруг обретало понятную форму. И в ту же секунду идея с благословением понравилась ещё больше.

Аул появился сначала в запахах: дым от казанов, тёплое молоко, пыль, смешанная с сырой землёй и навозом. Только потом издалека стали проступать низкие дома с облупленной краской, покосившиеся ворота, стены, исписанные детскими каракулями, пёстрые ковры, развешанные сушиться на заборах. У магазина стояли мужчины в выцветших кепках, и один из них поднял руку проезжающей колонне автомобилей. Мальчишки босиком выбежали к обочине и замерли, с любопытством разглядывая дорогие машины.

Когда вереница транспорта остановилась у дома аксакала, из соседнего двора вышел молодой парень. На нём был старый спортивный костюм, руки перепачканы землёй — видно, только что возился в огороде. Увидев Азамата, он оживился и, улыбаясь, подошёл ближе.

— Ассаламу алейкум, аға⁶! — он окликнул его с искренней радостью. — Вы ведь тот самый бизнесмен? Я видел вас в новостях. Мы тут молодожёны, свадьбу готовим. Хотел попросить... может, приедете к нам почётным гостем? Свадьба скромная, но мы будем рады.

Азамат замер на секунду, но его охранники сработали быстрее. Один из них резко встал между ними, другой выставил руку:

— Отойди. Не задерживай.

Парень пошатнулся, но удержался на ногах. Он вытер руки о штаны и отступил к забору. Азамат заметил, как тот оглянулся на свой двор, где у калитки уже стояла молодая девушка в ярком платке. Она с интересом и лёгкой надеждой смотрела на всю свиту вокруг него, но охранник уже мягко, но твёрдо оттолкнул её жениха в сторону.

— Простите... — выдохнул парень, но улыбка с его лица исчезла. Он вернулся к калитке, где девушка взяла его за руку. В её глазах промелькнула обида, но они молча ушли во двор.

Азамат отвернулся, будто ничего не произошло, и сделал шаг. Вдруг он почувствовал, как этот шаг оказался чуть тяжелее предыдущего. Он задержал дыхание на долю секунды дольше обычного, словно хотел что-то сказать, но не нашёл нужной интонации. Улыбка, которую он носил как часть костюма, появилась на лице не сразу — ей потребовалось время, чтобы занять своё привычное место.

⁶ аға — «старший брат», а также форма уважительного обращения к мужчине старше по возрасту

Он поправил рукав пиджака и вошёл во двор.

Аксакал сидел в тени летника под невысоким навесом из потемневших досок. Перед ним на низком столике стояла пиала с чаем, от которой медленно поднимался пар, растворяясь в тёплом воздухе двора. На нём был тёмный чапан, тяжёлый, но аккуратно запахнутый, с вытертым меховым воротом. На голове — старая меховая шапка-борик, потёртая по краям, словно пережившая не одну зиму. Его лицо было иссечено временем, как степной камень ветрами: морщины ложились глубоко и ровно, подчёркивая силу прожитых лет. Седая борода мягко падала на грудь, а глаза смотрели спокойно и внимательно, без суеты и без любопытства. В этом взгляде чувствовалась привычка сначала выслушать тишину, а уже потом человека.

— Ассаламу алейкум, ата⁷, — сказал Азамат, слегка наклоняясь и подавая обе руки в знак уважения.

— Уа алейкум ассалам, балам, — тихо ответил старик. Голос у него был негромкий, с бархатной хрипотцой.

Камеры уже готовились. Операторы выставляли штативы, проверяли звук, щёлкали креплениями, поправляли микрофоны. Помощники переговаривались вполголоса, аккуратно раскладывали подарки, сверяли список, чтобы ничего не выбилось из сценария. Во двор постепенно стекались люди. Соседи выходили из домов, останавливались у заборов и переглядывались. Прохожие замедляли шаг, кто-то подходил ближе, кто-то оставался поодаль, пряча руки в карманы. Старики в тубетейках тихо переговаривались, женщины поправляли платки, дети протискивались вперёд, чтобы лучше видеть камеры. Во взглядах смешались любопытство и осторожность.

⁷ ата — дед; также уважительное обращение к пожилому мужчине

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.